

ПО ТУ СТОРОНУ

ТОМ ЕМЕЛЬЯНОВ

МЕТАСТАЗЫ КОРРУПЦИИ

NORTHROP
LOCKHEED
 McDonnell Douglas
GRUMMAN Corp
ITT
GRUMMAN
NORTHROP
 Lockheed

По ту сторону

ТОМ ЕМЕЛЬЯНОВ

**МЕТАСТАЗЫ
КОРРУПЦИИ**

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1980

327.27
Е60

Книга разоблачает коррупцию в правящих кругах капиталистических стран — США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Японии. Последние годы дали немало примеров финансово-политических махинаций монополий Запада, продажности буржуазных политиков, органов власти, полиции. Широкую известность на Западе приобрел целый ряд скандальных разоблачений.

Автор на многочисленных фактах показывает: коррупция пронизывает всю ткань буржуазного общества, более того — происходит процесс слияния преступного мира с политическими кругами Запада, банковским и промышленным капиталом, полицейским и судебноправовым аппаратом,

Е $\frac{11105-104}{M-105(03)80}$ БЗ—97—4—1979 0804000000

© Издательство «Советская Россия», 1980 г.

Сколько стоит на «черном рынке» премьер-министр, сенатор, генерал!

Вознесение майора и генерала

В тревожно сгущавшихся сумерках на фоне чистого морозного декабрьского неба блеснул хищнической, акульей красотой силуэт вонзавшегося в высоту истребителя-бомбардировщика «Звездный». Взлетев на высоту девять тысяч метров, пилот, майор военно-воздушных сил ФРГ Хорст Лернерт, взглянул вниз направо, увидел привычные очертания Кельна, перевел взгляд налево, где вдалеке распахнулось Северное море, и уверенно положил машину на заданный курс. Настроение у майора было хорошее, самочувствие нормальное. Правда, ему показалось, что трудноато дышится, но он отмахнулся от ощущения дискомфорта и сосредоточил внимание на приборах...

Почти в то же самое время, лишь на несколько минут позже, где-то в Дании, на одном из радарных экранов противовоздушной обороны появилась точка, обозначившая неизвестный летящий объект, по мгновенным расчетам операторов-наблюдателей с огромной скоростью приближавшийся к государственным границам страны. Немедленно поднятые в воздух по тревоге истребители-перехватчики не смогли догнать ворвавшегося в воздушное пространство Дании неожиданного дерзкого нарушителя: он промчался в датском небе, как метеор, и был уже далеко, улета в направлении норвежского побережья. Вскоре могучий рев его реактивных двигателей разорвал тишину над столицей Норвегии Осло. И никто из давно привыкших к гулу сверхзвуковых самолетов горожан, спешивших в этот вечер по домам, сидевших в кино или просто гулявших по улицам, даже не подозревал, что мог в эти минуты стать жертвой нежданной-негаданной катастрофы — добычей смерти, промчавшейся над ними в мирном небе. Части норвежской противовоздушной обороны засекли

мистический воздушный корабль еще на границе. На натовском аэродроме Бодё прозвучал сигнал боевой тревоги, поднявший в воздух два истребителя-перехватчика из эскадрильи № 331, за штурвалами которых были капитан Ув и сержант Мартинсен. Догнав незваного гостя, норвежские пилоты пристроились к нему почти вплотную и дали одновременную команду на немедленное приземление. Но «пришелец» нагло игнорировал их приказ. Норвежские летчики поразились молчанию зажатого между ними самолета, имевшего на борту опознавательные знаки западногерманских ВВС и номер ДА-254. Им показалось даже, что в нем нет летчика, но, присмотревшись, они заметили блеснувший шлем пилота, пригнувшегося к пульту управления. А самолет мчался дальше, приближаясь к портовому городу Нарвик. И там впервые за десятки лет после войны была объявлена воздушная тревога. Пока над Нарвиком выли сирены, пока норвежские пилоты раздумывали — открывать огонь или нет, с земли им поступило сообщение, пришедшее из Федеративной Республики Германии: истребитель-бомбардировщик «Звездный» под номером ДА-254, управляемый майором Хорстом Ленертом, ушел в обычный тренировочный полет в направлении Северного полюса и через десять минут после взлета оборвал на полуслове связь с аэродромом. Не успели норвежские летчики дослушать эту весть, как эскортируемый ими самолет оказался уже вблизи Нарвика, неожиданно круто ринулся вниз и на умопомрачительной скорости врезался в откос невысокого холма. У Мартинсена и Ува по спинам пробежали мурашки: если бы «Звездный» успел пролететь еще 15 секунд, он взорвался бы в жилых кварталах города, разнес бы в щепки десятки домов — и сколько людей, не успев ничего понять, оказались бы там, откуда нет возврата. Развернувшись, норвежские истребители ушли на аэродром. Пилотам стало ясно все: истребитель-бомбардировщик «Звездный» под номером ДА-254 шел на автопилоте, который, погибая, успел включить майор Хорст Ленерт. Он умер от удущья: на самолете отказала

система подачи кислорода в кабину — и над Данией, над Норвегией летел уже не майор Ленерт, а его труп. Поэтому он и не мог ответить на сигналы и приказы норвежских пилотов. Для норвежцев, как и летчиков других стран НАТО, аварии самолетов типа «Звездный» (по-английски «Старфайтер») стали обычным явлением. Давно уже эти самолеты с красивым названием, изготовлявшиеся крупнейшим американским авиастроительным концерном «Локхид» и многие годы поступавшие на вооружение западногерманских военно-воздушных сил, в Западной Европе окрестили «летающими гробами» и «производителями вдов»...

В мае 1977 года, когда число разбившихся «Старфайтеров» с опознавательными знаками ВВС Федеративной Республики Германии приближалось к двумстам, в столице Бельгии Брюсселе собралась очередная сессия НАТО — агрессивного военно-политического блока Запада, ядром и основой вооруженных сил которого является бундесвер, наиболее мощная из всех западноевропейских армий. Но на этой сессии никто не собирался ставить вопрос о страшных авариях «Старфайтеров», которыми в значительной степени оснащены не только ВВС ФРГ, но и других стран НАТО. На сессии рассматривался совершенно иной вопрос, и главным докладчиком был военный министр ФРГ Георг Лебер.

Присутствовавшие высшие военные чины и политики НАТО не проявляли особых чувств в связи с докладом — слушали со скучноватым, но, как положено, вежливым вниманием. Все заранее знали, о чем будет идти речь, были хорошо осведомлены о том, что вопрос давно уже провентилирован, согласован и решен в дву- и многосторонних встречах руководителей стран НАТО. На сессии же он должен быть просто утвержден официально. И хотя некоторые из сидевших в зале не могли отделаться от тяжелых воспоминаний (на ум невольно приходили события в Европе тридцатых-сороковых годов, когда гитлеровский рейх заглатывал одну страну за другой), никто уже не был в состоянии что-либо изменить.

А военный министр ФРГ, несмотря на то что его доклад был констатацией свершившегося, выступал с таким нажимом, будто хотел взять первый крупный реванш за послевоенные десятилетия «исторической несправедливости» со стороны Запада в отношении Федеративной Республики Германии в военных вопросах. В его интонациях ощущалось неприкрытое торжество: наконец-то! Добрались!.. О чем же он говорил? ФРГ, которая, по его мнению, вносит самый существенный после США военный и финансовый вклад в НАТО, слишком слабо представлена в руководящих военных инстанциях блока. В штабах НАТО всего лишь десять западно-германских высших военных чинов, в то время как, скажем, Великобритания представлена двадцатью шестью крупными военными, так же как и Соединенные Штаты Америки. Это «несоответствие», «унижающее» ФРГ и «ущемляющее» ее права, должно быть исправлено, причем безотлагательно.

Главное событие на этой ординарной с виду сессии НАТО может иметь последствия, которые сегодня трудно предвидеть. Впервые за всю тридцатилетнюю историю военно-политического агрессивного блока Запада, в котором все главные командные посты и роли, казалось, были расписаны навечно, совершалась структурная перестройка военного руководства.

До этой сессии в НАТО существовал и тщательно охранялся принцип, по которому верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами НАТО являлся американский военный (многие годы им был генерал Александр Хейг, которого сменил 30 июня 1979 года на этом посту генерал Бернард Роджерс), имевший лишь одного заместителя — представителя Великобритании (генерал Гарри Туцо и по сей день). Теперь же на сессии НАТО устанавливалась должность еще одного заместителя, на которую был назначен высший военный из Федеративной Республики Германии. Им оказался генерал Герд Шмюкле. Если майор Х. Ленерт «вознесся» на «Звездном» прямиком на тот свет, то его земляк генерал был введен в «совет военных бо-

гов» НАТО. Ощутимая разница. Для того чтобы понять значение этой перестройки верховного главкомандования НАТО, эту трансформацию высшего военного дуэта НАТО в триумвират, следует помнить, что в распоряжении верховного главкомандования объединенными вооруженными силами НАТО в Европе находится около миллиона солдат и офицеров, многие тысячи танков и боевых самолетов. Кроме того, в Западной Европе стоит около 8 тысяч ракет с ядерными боеголовками, к которым следует приплюсовать те почти 600 новых американских ядерных ракет среднего радиуса действия, решение о размещении которых в Западной Европе было принято на сессии НАТО в декабре 1979 года.

Всю эту военную армаду верховный главкомандующий НАТО имеет право поднять по своему единоличному приказу — ему не требуется никакого разрешения или даже формального согласия политических руководителей европейских стран НАТО. Иными словами, верховный главкомандующий НАТО в Европе, особенно в случае возникновения «чрезвычайного положения», своей властью нажимает ту кнопку, которая приводит в действие всю гигантскую машину военно-политического блока, — кнопку военного взрыва в Европе, в сферу которого автоматически втягиваются все члены НАТО, даже если бы они этого и не хотели.

И вот теперь, с майской сессии НАТО 1977 года, к пульту управления громадным военным механизмом НАТО, к пульту с этой самой «кнопкой» прорвался западногерманский генерал. Естественно, сразу же возник вопрос: кого же послала Федеративная Республика Германии на этот высший военный западноевропейский пост? Что представляет собой генерал Герд Шмюкле? И еще один актуальный вопрос, имеющий непосредственное отношение к началу нашего повествования: почему в связи с гибелью «Старфайтеров» речь также зашла о генерале Шмюкле — какое, собственно, отношение эти аварии имеют к генералу, который никогда не служил в военно-воздушных силах и вооб-

ще не имел к авиации профессионально-профильного отношения?

Для того чтобы ответить на эти вопросы полнее и по существу, необходимо вернуться к происшедшим несколько лет назад в США событиям, вызвавшим далеко еще не закончившуюся цепную реакцию по всему капиталистическому миру.

О роли диких гусей в политике

Заболоченные заросли в устье реки Потомак совсем не похожи на тот красивый, заросший прелестными цветами склон горы под Римом, где паслись когда-то легендарные гуси, спасшие Вечный город. И диким гусям, которые обитают в устье американской реки, судьба уготовила совсем иную роль и иное место в мировых делах. Именно там, в охотничьих угодьях Потомака, американский генерал Уинстон П. Вильсон устраивал несколько лет назад привлекательные охотничьи забавы. Шоу истребления гусей для удовольствия было поставлено на широкую ногу: после охоты сервировались роскошные столы, за которыми решались вопросы, не имевшие никакого отношения к охоте. Никто не считал, в какую копеечку влетали пышные приемы, — даже сам хозяин, генерал Вильсон. И вот как-то случайно и совершенно неожиданно пронесся слух, что генерал не потратил на содержание «охотничьего домика» и на стоившую бешеных денег аренду охотничьих угодий буквально ни единого цента. Выяснилось, что задававшиеся им пиры оплачивались американским авиационным концерном «Нортроп». Оказалось, что во время невинных «охотничьих» встреч высокопоставленных гостей, среди которых постоянно бывали крупные чины Пентагона и сенаторы США, «Нортроп», подкупая взятками оптом и в розницу нужных людей, проворачивал колоссальные сделки на сбыт своих самолетов.

Той самой комиссии американского сената, которая расследовала уотергейтский скандал, стоив-

ший Ричарду Никсону поста президента США, было поручено разобраться в махинациях «Нортропа». И вот на одном заседании комиссии дававший показания директор «Нортропа», пытаясь выгородить концерн и весь его менеджмент, сказал несколько фраз, с которых началась глобальная цепная реакция разоблачений, потрясших весь капиталистический мир. Он пояснил, что его концерн вынужден был прибегнуть к крупным взяткам, потому что один из главных конкурентов — авиаконцерн «Локхид» — именно таким способом вербует заказчиков на мировых рынках и вершит громадные сделки, выигрывая конкурентную борьбу.

Так вроде бы случайно в расследовании грязных финансовых афер всплыло название «Локхид эйркрафт корпорейшн». Президент концерна «Локхид» Котчиан пытался дезавуировать заявление руководства «Нортропа», причем довольно беспомощно: «Я не стал бы употреблять понятия «подкуп» или «взятки». Мы предпочитаем говорить о «подарках», «пожертвованиях», которые облегчают нам создание благоприятного климата для сбыта нашей продукции...» И тут взорвалась бомба, которая катализировала дальнейшее развитие событий: на заседание сенатской комиссии не явился вице-президент «Локхид» Роберт Н. Вальтер, который ведал всеми финансовыми вопросами концерна. Зная, как никто другой, размах коррупционной активности «Локхид» и полностью представляя себе, какой гигантский скандал разразится в связи с расследованиями, понимая, что ему лично грозит тюрьма, — финансовый бог «Локхид» покончил с собой. Но его самоубийство уже ничего не смогло предотвратить: затрясло всю Америку, затрясло страны Западной Европы, Ближнего Востока, Японию — затрясло четыре континента.

...Шестого июня 1975 года военный министр Израиля Перес посетил 31-ю международную выставку авиационной и космической техники, развернутую на парижском аэродроме ле Бурже. Разумеется, его в первую очередь интересовали боевые самолеты французского и американского произ-

водства. И прежде всего три типа: всепогодный истребитель «Мираж» французского концерна «Дассо», истребитель-бомбардировщик Ф-16 американского концерна «Дженерал дайнмикс» и истребитель-бомбардировщик Ф-17, представленный американским авиаконцерном «Нортроп». В общем-то эти самолеты имели примерно одинаковую конструкцию и технические параметры. Правда, до сих пор покупатели на мировых рынках отдавали определенное предпочтение французским «Миражам». Шли упорные слухи о том, что и теперь некоторые страны НАТО собирались вместо устаревших американских «Старфайтеров» фирмы «Локхид» приобрести новейшие французские «Миражи».

И вдруг до ушей авиаспециалистов, военных и покупателей, прибывших в Париж из разных стран, дошли странные и необъяснимые высказывания одного из высших чинов французских военно-воздушных сил генерала Поля Стэлена, который в полуофициальной обстановке «неосторожно» заявил, что-де американские самолеты Ф-16 и Ф-17 значительно лучше французских «Миражей». Деловые, политические и военные круги Франции охватило бурное возмущение. Газеты и политики, защищая интересы отечественных монополий, объявили генерала Стэлена «предателем родины», закричали, что он «обесчестил себя, как солдат и как француз». Такие слова бросил, в частности, в лицо генералу депутат Национального собрания Маретт. Оскандалившегося генерала немедленно отстранили от поста вице-президента Национального собрания и срочно отправили на пенсию.

Через несколько дней после этих событий на одной из улиц Парижа автобус, почему-то свернувший в левую сторону проезжей части, сбил и задавил насмерть одного пешехода. Личность погибшего установили немедленно — им оказался генерал Стэлен. Французская печать сразу же выдала читателям версию о самоубийстве генерала. Было это именно так или его «убрали» — сказать трудно. Но буквально на следующий день причи-

ны гибели генерала стали ясны: в аншлаги газет было выброшено сообщение из США о том, что при расследовании комиссией американского сената коррупционных афер американских авиаконцернов среди высокопоставленных лиц, замешанных в получении взяток, значится и генерал Стэлен. Оказывается, он был подкуплен концерном «Нортроп» и получал из его сейфов ежемесячно по пять тысяч долларов: «неосторожные» высказывания французского генерала в пользу американских самолетов щедро оплачивались из-за океана...

В Италии 23 марта 1976 года был арестован блестящий, жизнерадостный начальник штаба итальянских военно-воздушных сил генерал Дулио Фанали. Он был обвинен в получении взяток в размере 75 миллионов лир от концерна «Локхид», которому «помогал» продавать на Апеннинском полуострове стоившие бешеных денег военно-транспортные самолеты. В тот же роковой день был арестован известный итальянский адвокат Овидио Лефевр, «работавший» на «Локхид» с генералом Фанали и положивший вместе со своим братом Антонио на личный счет один миллион шестьсот тысяч долларов за «услуги» концерну «Локхид эйркрафт корпорейшн». Эту сенсацию вскоре перекрыла другая — Италию потряс свой, «римский уотергейт»: в преступных сделках генерала Фанали и братьев Лефевр с американским авиаконцерном оказался замешан не кто иной, как президент Итальянской Республики Джованни Леоне. Он вынужден был подать в отставку. За коррупционные связи с «Локхид» сели на скамью подсудимых бывшие итальянские министры Танасси и Гуи. Процесс тянулся несколько лет, и лишь в марте 1979 года стало известно, что бывший министр обороны Италии Танасси получил два года четыре месяца тюрьмы. Пять его других «коллег по несчастью» отделались примерно таким же сроком, в том числе и генерал Фанали. Учитывая размах аферы, можно считать это наказание скорее милостью...

В Испании были сняты со своих постов генерал-майор Луис Рей и полковник Карлос Рандал, ак-

ционеры фирмы «Авионика», которые проталкивали в правительстве заказы «Локхид», получая за это от концерна солидную мзду. Замешанные в аферах «Локхид», полетели политические головы в Нидерландах и Бельгии. Генералу турецких военно-воздушных сил Эмиму Алпкая инкриминировали получение взяток от «Локхид» в размере тридцати тысяч долларов. Можно себе представить, как кусал локти Алпкая, когда узнал, что вслед за ним был арестован турецкий представитель фирмы «Локхид» Дюраль, попавшийся не на мелочи в виде 30 тысяч, а прикарманивший 800 тысяч долларов из сумм, предназначенных на взятки турецким политикам. В Египте с поличным попались высокие чины, получившие от концерна «Локхид» более 150 тысяч долларов взяток за то, что «помогали» продавать там самолеты в два раза дороже, чем в других странах. В Японии скандал приобрел чисто самурайский привкус. В поле зрения парламентской комиссии, созданной специально для расследования в стране аферы «Локхид», оказались связи и богатейшая информация по этому вопросу, которыми обладал один из крайне правых деятелей и супербогачей И. Кодама. В тот злополучный день, 23 марта 1976 года, когда он должен был явиться на комиссию, в его виллу врезался самолет, пилотируемый актером Маэно, который за огромное вознаграждение, обещанное его семье, взял на себя роль «камикадзе» — смертника и решил пожертвовать собой, чтобы убить Кодама. Эта очевидная попытка убрать основного свидетеля не остановила разоблачений: шесть известных политических деятелей предстали перед судом общественности как клиенты-взяточники концерна «Локхид». Среди них оказался и сам премьер-министр Танака, лишенный в связи с этим своего поста и отданный под суд.

Сотни миллионов людей стали, таким образом, зрителями разворачивавшейся у них на глазах с кинематографической сенсационностью «аферы века». Что же это за гешефт, во имя которого только на взятки тратились сотни миллионов долларов и

шли на политически смертельный риск руководящие деятели многих стран абендланда?

Он рожден и проворачивался теми наиболее опасными для судеб всего мира кругами, которые генерал Дуайт Эйзенхауэр, уходя с поста президента США, назвал «военно-промышленным комплексом». В военно-воздушных силах НАТО начиналась замена устаревших самолетов, в том числе «Старфайтеров» американского концерна «Локхид». Они стоили по семь-девять миллионов долларов за экземпляр. Цена новых образцов боевых машин поднялась к этому времени — в связи с модернизацией — до 15 миллионов долларов. По расчетам деловых людей, прибыль на производстве и сбыте новых самолетов должна была составить более 300 процентов. Напомним читателю: еще в «Капитале» К. Маркса приведены знаменитые слова: при 300 процентах прибыли нет такого преступления, на которое капитал не рискнул бы, даже под страхом виселицы. Заказы для военно-воздушных сил НАТО оценивались примерно в 20 миллиардов долларов. Те же марки самолетов — по примеру Западной Европы — готовились приобретать и многие государства Ближнего Востока, Азии и Латинской Америки. Предполагалось, что на перевооружение этих стран потребуется на первых порах до 2500 новых машин. Это означало, что эвентуальный куш увеличивался еще на 35—40 миллиардов долларов.

Следовательно, концерны авиастроения, которые в данной ситуации выигрывали жестокую конкурентную схватку на поставки новых самолетов, не только обретали громадные барыши, но и обеспечивали себе прочные преимущества на длительный срок, захватывали решающие позиции в военном самолетостроении и сбыте. Поэтому неудивительно, что ведущие авиамонополии Старого и Нового Света и поддерживающие их политические деятели вышли на мировой ринг, готовые на любые, самые грязные и запрещенные приемы борьбы: манящая цель с лихвой должна была оправдать средства. В этой глобальной драке супермонополий за сверхприбыли «Локхид», казалось, заранее смирился с пораже-

нием: ни одного новейшего самолета концерн не мог выбросить на мировой рынок. Вперед вырывались шведы со своим «Виггеном Ф-37», англичане со своим «Ягуаром», французский концерн Дассо с «Миражом», который собирались покупать скандинавы, бельгийцы, датчане. Насколько важен был выигрыш в гигантской схватке капиталистических спрутов, свидетельствует и тот факт, что даже президенты США и Франции включились в рекламу самолетов своих стран.

Вот тут-то Европу и поразило сообщение, что некоторые страны НАТО, так сказать правофланговые в закупках новейших самолетов, приняли решение закупить не «Миражи» и не «Ягуары», а американские самолеты, причем на всю программу вооружений восьмидесятых годов: миллионы, потраченные американскими концернами на подкуп политических деятелей Западной Европы, приносили свои богатые плоды. В развернувшемся скандале вокруг «Локхид» внимание политических деятелей, печати и общественности обратила на себя «тихая» позиция одной ведущей страны Западной Европы, что породило всевозможные толки и догадки.

Дневник бывшего разведчика

Многие поражались, что скандал с «Локхид» почти не затронул Федеративную Республику Германии, хотя всем давно было известно, что на Европейском континенте ФРГ являлась крупнейшим контрагентом оскандалившегося американского гиганта. Неужели же история с «Локхид» обойдет стороной ФРГ, военно-воздушные силы которой составляют костяк европейских ВВС НАТО (если не считать американских ВВС) и которая закупала большие партии «Старфайтеров»? Правда, кое-что просочилось (значительно позже) с рейнских берегов: в ФРГ тоже была создана официальная комиссия, которая пыталась разобраться в удивительном «нейтралитете» ФРГ в отношении разоблачений коррупции «Локхид». 9 апреля 1978 года крупная буржуазная газета «Зюддойче цайтунг» опубликова-

ла большую статью о результатах работы этой комиссии. Выяснилось, писала газета, что «...американский концерн «Локхид» с середины пятидесятых годов тайно и широко шуровал в сфере военного ведомства, в государственном аппарате и политических партиях страны...» Комиссия установила, что «Локхид» не брезговал «пожертвованиями» в пользу политических партий ФРГ. Названы поименно и лица, получавшие «вспомоществования» от «Локхид» за то, что они помогали «создать благоприятный климат» для сбыта «Старфайтеров». Промелькнули имена бывшего вице-адмирала Карла фон Хетца, занимавшего в начале шестидесятых годов пост заместителя командующего военно-морскими силами ФРГ и получавшего от «Локхид» ежемесячные подачки в размере полутора тысяч западногерманских марок; пронырливого дельца Кристиана Штайнрюкке, которому «Локхид» отвалил «комиссионных» 100 тысяч марок; Фридриха Ремде, ответственного сотрудника главного штаба военно-морских сил; Рудольфа Милевски из финансового отдела военного министерства; военных чинов Хайнца Кюнле и Гюнтера Лотера и ряда других. Все они — и их неназванные коллеги — в течение многих лет поставляли концерну «Локхид» секретную информацию о вооруженных силах ФРГ, о находящихся в действии и разрабатывавшихся новых системах оружия. По мнению газеты «Зюддойче цайтунг», эта информация давала «Локхид» возможность оказывать во многих случаях решающее влияние на принимавшиеся бундестагом постановления об оснащении вооруженных сил ФРГ и о закупках американского оружия, в том числе и самолетов.

Но названные лица — это все мелкие сошки. Они продавали «Локхид» информацию, а реализовывал ее концерн при помощи каких-то других, неназванных кругов и личностей, которые обладают реальной силой и способами оказывать давление на бундестаг в военных вопросах. Толки, слухи, догадки уже многие годы ходили по ФРГ.

Толчком для трансформации слухов в уверенность послужило одно событие, но не в ФРГ,

я за Атлантическим океаном, в комиссии сената США по расследованию аферы «Локхид». На одном из заседаний ее всплыло новое имя — Эрнст Феликс Хаузер. Эта личность настолько важна для дальнейшего рассказа, что ей необходимо посвятить несколько страниц.

Эрнст Хаузер родился в Австрии, в Зальцбурге. Вскоре его семья эмигрировала в Соединенные Штаты Америки. Там прошла юность Эрнста, пришедшаяся на годы великого экономического кризиса капиталистического мира, разразившегося со знаменитой «черной пятницы» 1929 года на американской финансовой бирже. Затем молодой Хаузер вступил в американскую армию и к концу второй мировой войны дослужился до чина старшего лейтенанта. Волею судьбы он оказался в составе офицерского корпуса американских оккупационных войск в Германии. Документ под номером «АГ 300.4» особого отдела при командовании 3-й американской армии («полевая почта 403») от мая 1945 года свидетельствует: «Старший лейтенант Эрнст Ф. Хаузер, номер по списку личного состава 01039671 АУС, является командиром подразделения военной разведки, расположенного в Шонгау, Верхняя Бавария».

Используя свое особое служебное положение, Эрнст Хаузер развернул там наряду с профессиональной и широкую промыслово-спекуляционную деятельность. Он приторговывал спортивными автомобилями марки БМВ, фотоаппаратами, холодильниками, изделиями из драгоценных металлов. Необычайную активность молодой офицер проявил и в отношениях с местными красавицами, чью любовь он легко приобретал в обмен на продовольственные товары. Порой, когда некоторые чересчур щепетильные в вопросах морали дамы оказывали сопротивление домогательствам любвеобильного американца, он с помощью своих коллег просто отправлял их на некоторое время за решетку — для смягчения характера. Вскоре местные жители окрестили старшего лейтенанта американских оккупационных войск «чудовищем из Шонгау».

Разумеется, по роду своей службы Хаузеру приходилось тесно контактировать с местными жителями и властями, которых он привлекал к выполнению некоторых заданий. Особенно подружился он с молодым ландратом по имени Франц. Лейтенант подбрасывал ландрату немалые продовольственные пайки, и они вместе приторговывали на «черном рынке». К 1946 году их, как говорится, уже нельзя было разлить водой. Франц устраивал своему покровителю амурные дела, хорошо изучив его вкус. В резиденции Хаузера на вилле «Майзель» приятели устраивали многодневные оргии. Общение их было тем более легким, что Франц прилично знал английский язык. В конце концов Франц стал правой рукой Хаузера и на этой основе приобрел значительное влияние в Шонгау и окрестностях. Более того, содействие американского разведчика возвело Франца на такой пост, о котором тот и мечтать не мог и который противоречил всей биографии ландрата начиная с 1937 года. В том достопамятном году в возрасте неполных 22 лет Франц вступил в так называемый «национал-социалистский автомобильный корпус» (НСАК), представлявший собой моторизованную силу нацистской партии. В этом корпусе он был назначен на должность референта по мировоззрению, на которую допускались, как явствовало из приказа по НСАК, только «безукоризненно надежные, убежденные по своим взглядам национал-социалисты», обязанные воспитывать в командирах и личном составе корпуса национал-социалистский дух и образ мыслей. Ко времени разгрома фашистской Германии в 1945 году Франц, чудом сумевший унести в феврале 1942 года свои подмороженные конечности из-под Сталинграда, оказался в городке Альтенштадт, неподалеку от Шонгау, в роли национал-социалистского офицера-воспитателя в училище зенитных войск. К должности офицера-воспитателя допускались, согласно инструкции, лишь «боевые беззаветные национал-социалисты». И вот этот еще не остывший «боевой беззаветный национал-социалист» Франц весной 1946 года стал не только переводчиком в

системе американских оккупационных войск в Германии, не только мин-херцом американского разведчика, не только ландратом в Шонгау, но и (какие только курбеты не выкидывает судьба!) руководителем местной «комиссии по денацификации». А в 1948 году Франц, принявший «для благозвучия» еще и второе имя, которого у него не было при рождении — Йозеф, оказался генеральным секретарем партии христианско-социальный союз (ХСС) Францем-Йозефом Штраусом.

Вскоре Эрнст Хаузер отбыл из Германии, получив направление в Корею, где Соединенные Штаты Америки готовились развязать агрессивную войну. И пока Эрнст в далекой азиатской стране сконцентрировал все свои силы на одной задаче — уцелеть в новой войне, Франц-Йозеф Штраус делал на рейнских берегах головокружительную карьеру.

В 1956 году правительство канцлера Конрада Аденауэра добилось, наконец, своей цели, которую оно поставило сразу же при образовании в 1949 году Федеративной Республики Германии. Выполняя волю тех же сил германского империализма, которые в свое время привели к власти Гитлера, кабинет Аденауэра стремился установить преобладающее влияние ФРГ в Западной Европе. Разумеется, все это делалось под флагом защиты европейцев от «красной опасности». Аденауэр писал тогда: «Я заклинаю своих соратников при проведении любой внешнеполитической акции прежде всего иметь в виду — усилит или ослабит она Россию».

Для выполнения главной стратегической задачи — стать в Западной Европе довлеющей военной силой — нужно было прорваться к «бомбе», к ядерному оружию. Однако встретив не только мощное сопротивление народа, но и негативное отношение своих западных союзников и покровителей за океаном, аденауэровцы сузили задачу: они решили на первых порах заполучить хотя бы самолеты-носители ядерных бомб. Наиболее подходящим для осуществления этого стратегического плана в тогдашнем Бонне сочли «восходящую политическую звезду» Франца-Йозефа Штрауса, кото-

рого, по замечанию французского журнала «Анне политик э экономик», именовали «главным выкормышем» Аденауэра. И вот канцлер сместил с поста военного министра Теодора Бланка и назначил на его место Штрауса.

Пятьдесят лет назад один из черных кардиналов германского империализма Карл Дуйсберг, глава гигантского преступного химического концерна «ИГ-Фарбениндустри», выступил с призывом: «Если Германии суждено вновь быть великой, то все классы нашего народа должны осознать, что для достижения этой цели необходимы лидеры, могущие действовать, не считаясь с капризами масс... Сильный человек всегда необходим нам, немцам, как в свое время был необходим Бисмарк». Этот призыв К. Дуйсберга, обращенный прежде всего к монополистическому капиталу, был вскоре реализован: монополии поставили у власти «сильного человека» — Гитлер возглавил третий рейх, который он обещал сделать тысячелетним. Конец его наступил через двенадцать лет. Но сегодня правый картель в ФРГ вновь взял на вооружение политическое завещание Дуйсберга. Уже многие годы реакционные круги ищут нового «сильного человека», способного возродить германскую мощь. Знаменательно в этом смысле обращение кельнского кружка «друзей ХСС», опубликованное несколько лет назад в «Интернен информаций»: «Штраус — наша надежда! Он не заменит Адольфа Гитлера, но он обладает качествами сильного человека, качествами вождя. Штрауса — к власти!» И Штраус оправдывает возлагаемые на него надежды: «Германия есть географический центр общеевропейского положения дел. Ее (Германии: Штраус узурпирует право говорить от имени всего немецкого народа. — Т. Е.) политическое развитие в связи с успешным восстановлением экономического потенциала и прежде всего латентное, сокровенное желание немцев к объединению и стабильной обширной европейской структуре — вот существенные элементы грядущего». И еще: «Я уничтожу всякого, кто встанет на моем пути к власти...

Я хочу удовлетворения запросов немецкого народа (читай: монополий.—Т. Е.) и буду добиваться этого, если потребуется, даже с автоматом в руках».

Военно-политическая концепция Штрауса состояла и состоит поныне в том, чтобы превратить ФРГ в главенствующую военно-политическую силу Западной Европы. «Германия,— пишет Штраус в своей книге «Вызов и ответ. Проект для Европы»,— став экономическим великаном, не может длительное время довольствоваться ролью политического карлика. Поэтому немецкая (западногерманская.— Т. Е.) политика требует европейских рамок». Как это похоже на требование «жизненного пространства», с которым Гитлер начал вторую мировую войну... Средством для выполнения этой задачи Штраус считал прежде всего бундесвер, оснащенный современными видами оружия. И если в 1949 году, в начале своей карьеры, когда Штраус еще вынужден был оглядываться на миллионы немцев, проклинавших окончившуюся полным крахом военную авантюру Гитлера,— если в то время он вынужден был говорить: «...пусть отсохнут руки у того немца, который еще раз посмеет взять винтовку», то, став военным министром и выступая 2 июня 1958 года в Бад-Годесберге, Штраус прокламировал уже совершенно иное: «Оружие типа «А», «Б» и «С» (ядерное, бактериологическое и химическое.— Т. Е.) должно быть выдвинуто на первый план. Бундесвер необходимо оснастить этими современными видами оружия. Его солдаты обязаны овладеть им так, как они владеют своими пальцами. Только такая армия станет действенным инструментом в руках политика».

Против кого же, по мысли Штрауса, должна готовиться эта армия? Конечно же, против «красных», против «русских», ибо, как заявляет Франц-Йозеф, «проникновение русских в Среднюю Европу — это историческая катастрофа нашего века». Поэтому никакой нормализации отношений с СССР. Поэтому Штраус возглавил в ФРГ все реакционные силы, стремившиеся и пытающиеся сегодня сорвать или хотя бы затормозить реализацию историческо-

го Московского договора от августа 1970 года между СССР и ФРГ. «Договоры с правителями Кремля не являются договорами с народом этой страны» — такой провокационный клич бросил Штраус. И уже в то время, зная о вероломной гегемонистской политике пекинского руководства, Штраус заговорил о розыгрыше «китайской карты». «Если учитывать общую игру сил, — планировал Штраус, — то великий сосед (Китай. — Т. Е.) на другой границе нашего великого партнера (СССР. — Т. Е.) должен занять место в наших расчетах». Такая позиция, по замечанию известного западногерманского историка Г. Штекля, уже в те годы была «близка к спекуляции на третьей мировой войне».

Планы и концепцию Штрауса с восторгом встретил военно-промышленный комплекс ФРГ, весь правый картель. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, то есть именно во время правления Штрауса в военном министерстве, в ФРГ происходили крупные структурные изменения в расстановке монополистических сил, особенно производящих оружие. Вперед вырвались концерны самолето- и ракетостроения, электроники, точной механики и оптики, средств передвижения и танковой промышленности. Изменилась и индустриальная география: южное крыло западногерманского монополистического капитала — баварское, где господствует штраусовский христианско-социальный союз и где Штраус является земельным премьер-министром, стало главным в военном производстве, в создании новейших типов оружия. Бавария превратилась в западногерманский вариант Калифорнии — главной кузницы оружия в США. Огромный вес и влияние приобрели такие концерны, как «Мессершмитт-Бёльков-Блом» (МББ), «Флик», «Сименс», БМВ, МАН, «Даймлер-Бенц», «Дорнье», «Моторен-унд-турбинен гмбх», «Индустриверке Карлсруэ-Аугсбург» (ИВКА), расположенные в Баварии. Там же работают предприятия «Краусс-Маффай» — главные производители танков «леопард», считающихся западногерманским шлягером на мировых рынках, и зенитного танка «гепард».

Штраус представляет интересы военно-промышленного комплекса наиболее полно и «беззаветно», как в свое время он считался «беззаветным национал-социалистом». Председатель ХСС отлично понимает, какие могущественные силы подпирают его. Поэтому он не стесняется и позволяет себе, как сообщила газета «Вестфелише рундшау», заявить: «Каждый в ФРГ, кто стремится на пост канцлера, зависит от меня. Любой из претендентов обязан спросить меня: Франц-Йозеф, ты ничего не имеешь против?.. И тогда я выдвигаю свои условия, необходимые для проведения политики. И если политика (ФРГ. — Т. Е.) будет садиться на мель — спасение придет с баварских гор».

Несколько месяцев назад Штраус решил, что «пробил его час»: подмяв под себя руководство ХДС, он добился выдвижения своей кандидатуры от всего блока ХДС/ХСС на пост канцлера, выборы которого должны состояться в 1980 году. Штраус, лидер крайне правых сил ФРГ, вышел на авансцену политики и поставил ва-банк, стремясь прорваться к государственному штурвалу, стремясь вернуть ХДС/ХСС положение правящей партии. В выдвижении Ф.-Й. Штрауса кандидатом в канцлеры отражается возрастающее влияние военно-промышленного комплекса ФРГ и резкая активизация его политического менеджмента. Штраус становится центральной фигурой всего консервативно-реакционного правого картеля ФРГ. Сегодня он остался тем же барабанщиком антикоммунизма, пропагандистом реваншистских идей, каким был на посту военного министра ФРГ в свое время.

Опираясь на поддержку военно-промышленных монополий и на влиятельные реакционные силы в ФРГ, Штраус еще на посту военного министра приступил к конкретным делам по вооружению бундсвера новейшими боевыми самолетами, способными нести ядерное оружие. Уже в 1957 году он послал трех экспертов за границу на разведку. Разумеется, ими оказались соответствующие духу Штрауса специалисты — бывшие гитлеровские асы воздушной войны Штайнхофф, Крупински и Ралль.

Вернувшись, они доложили военному министру, что для оснащения военно-воздушных сил новейшими самолетами есть три варианта: машины американской фирмы «Грумман», французские «Миражи» Дассо и, наконец, «Старфайтеры» американского концерна «Локхид эйркрафт корпорейшн».

Внимание Штрауса сразу же сконцентрировалось на «Локхиде»: ведь именно эта фирма создала в то время уникальный самолет-шпион У-2, отдельные экземпляры которого уже испытывались в деле — в шпионских полетах над социалистическими странами. Как сообщала печать, первый такой разведывательный полет над СССР У-2 совершил на высоте 18 тысяч метров в начале июля 1956 года, то есть еще до назначения Штрауса военным министром (он стал им 16 октября 1956 года). О том, что в решении Штрауса в пользу фирмы «Локхид» немалую роль сыграли и личные мотивы, стало известно лишь много лет спустя.

В марте 1958 года Штраус подписал от имени ФРГ договор с «Локхид». Для американского концерна этот договор был манной, упавшей с небес, а Штраус — ангелом-спасителем, потому что «Локхид» стоял накануне полнейшего финансового краха. Крупнейших монополистов мира эта сделка министра Штрауса с «Локхид» привела в величайшее недоумение — но не спасением концерна от банкротства, а самим содержанием: договор был подписан на самолет, который не существовал не только в реальности, но даже в проекте. Дело в том, что тот тип «Старфайтера», который мог тогда предложить Штраусу концерн, абсолютно не отвечал западногерманским требованиям. Штраус добивался истребителя-бомбардировщика, который мог взять на борт атомную бомбу. Для этого была необходима совершенно новая конструкция «Старфайтера» — по сути, новый по техническим параметрам самолет. Даже авиационными специалистами и некоторыми крупными чинами западногерманских ВВС заказ Штрауса воспринимался скептически. Но военный министр по никому не

известным соображениям шел напролом: сначала было установлено о поставках 66 машин, но еще до того, как самолет новой конструкции появился на испытательных стендах, Штраус увеличил заказ до 700 экземпляров «Старфайтер Ф-104 Г» («Г» — Германия). Общая сумма сделки составляла 10 миллиардов западногерманских марок. Штраус зачастил в Соединенные Штаты Америки: сентябрь — октябрь 1959 года, июнь 1960 и, наконец, июль — август 1961 года. В последней поездке произошло любопытное событие, сыгравшее позднее роковую роль в карьере Штрауса.

Ранним утром 26 июля 1961 года в редакцию газеты «Сан-Франциско экзаминар» прибежал взволнованный мужчина и потребовал немедленного свидания с ответственным дежурным по номеру. Он ошарашил газетчиков требованием выдать ему сначала крупный гонорар наличными за сенсацию, которую готов продать газете. Получив деньги, этот человек, оказавшийся таксистом, сообщил: в два часа ночи его вызвали в глухой негритянский квартал к пользовавшемуся дурной славой кабачку. Там в его машину сел какой-то американец, проститутка и с ней в обнимку еле державшийся на ногах военный министр ФРГ Штраус. «Я сразу узнал министра, — сказал таксист, — его фотографии в эти дни были на первых полосах крупнейших газет». Они приехали в отель «Сан-Францис», и Штраус утащил проститутку к себе в номер...

Репортеры помчались в названный отель и все, что рассказал ранний посетитель, узрели своими глазами. Третьим в компании со Штраусом оказался не кто иной, как уже знакомый нам друг-приятель Штрауса, его бывший покровитель в Шонгау и бывший американский разведчик Эрнст Феликс Хаузер. Разразился скандал. Как же попал Хаузер вместе со Штраусом в притон проституток в Сан-Франциско?

Если верить Штраусу, то его встреча с Эрнстом в Сан-Франциско была совершеннейшей случайно-

стью. Уже позже, пытаясь отвести от себя тяжелые обвинения в коррупции, Штраус давал показания: «С тех пор, как американский старший лейтенант Хаузер был переведен из Шонгау, и до случайной встречи в США в 1961 году я не имел с ним не только никаких встреч, но даже какой-либо связи». Военный министр ФРГ врал самым примитивным образом, рассчитывая на то, что никто и никогда не сможет выяснить правды. Еще в 1958 году Штраус отыскал Хаузера. Летом 1960 года он попытался устроить американца на приличную должность в ФРГ, но тогда ничего не получилось. В 1960 году Эрнст и Франц-Йозеф встретились на квартире Хаузера в Нью-Йорке. Выпили, вспомнили старые веселые шонгаусские времена, а потом военный министр перешел к делу. Он рассказал Хаузеру, что заключил громадную сделку с концерном «Локхид», и заметил: «Миллиардное дельце... И тебе кое-что перепадет. Видишь ли, мне нужен свой человек в «Локхид», на которого я могу положиться. Ты будешь в фирме моими глазами и ушами...» Об этой встрече и беседе поведал дневник Хаузера, сыгравший жестокую шутку со Штраусом.

Бывший разведчик и спекулянт с великой радостью принял предложение: старые приятели по мелкой сравнительно спекуляции в Шонгау замахнулись на крупные дела. В июне 1961 года Хаузер получил от Штрауса весть: «Дорогой Эрнст! Я обратился с письмом к Роберту Гроссу (Роберт Гросс — брат Куртланда Гросса, тогдашнего генерального директора концерна «Локхид». — Т. Е.). Надеюсь на успех. Ты можешь, сославшись на меня, обратиться к Гроссу...» И вскоре после этого в новом письме Штраус сообщил Хаузеру: «Дорогой Эрнст! Ну вот, твое желание прибыть на службу в Германию наконец-то реализуется. Куртланд Гросс поставил меня в известность, что «Локхид» берет тебя в штат и направляет своим представителем в Кобленц». В этом западногерманском городе размещалось бюро бундесвера по закупке у «Локхид» самолетов «Старфайтер». Так Хаузер стал «глазами и ушами» Штрауса в концерне «Локхид»

и таким-то образом в июле 1961 года попал со Штраусом в притон: он сопровождал военного министра ФРГ в его поездке по США как официальный представитель концерна «Локхид». Какая же это «случайная встреча», как ее пытался представить общественности Штраус?

Служба в Кобленце пришлась по душе Хаузеру. В его обязанности входило налаживание контактов с членами бундестага, офицерами бундесвера, устройство для них увеселительных прогулок и вечеров, а также контакты с прессой. Кроме того, Хаузер должен был осуществлять и секретную миссию — передачу от «Локхид» крупных денежных подачек определенным лицам в ФРГ. Он был изобретателен: скажем, полковнику Гюнтеру Раллю передавал конверты с деньгами в букетах, преподносимых супруге бывшего гитлеровского аса...

Почти полтора года все шло отлично. А затем в дневнике Хаузера появилась запись: «На днях разразится большой скандал...» Хаузер знал, что писал. И действительно, в декабре 1962 года Штраус из-за очередной авантюрной политической истории, где он сыграл постыдную роль, вынужден был уйти с поста военного министра. Остался не у дел и Хаузер. Опираясь на завязанные личные знакомства, он попытался было наладить собственный гешефт. Но ему вновь дьявольски не повезло: в 1971 году он попался на подделке документов, и боннский суд приговорил его к году лишения свободы условно.

Вскоре экс-разведчик и несостоявшийся делец, разочарованный и обозленный, вернулся в Соединенные Штаты Америки и затерялся в многомиллионном Нью-Йорке. Но, как говорится, неисповедимы пути господни: судьба совершила очередной неожиданный и сногшибательный пируэт — в 1975 году имя Хаузера выбросили в аншлаги крупнейшие газеты Америки и Европы. Однажды утром он получил повестку с требованием явиться в комиссию сената по расследованию коррупций американских авиаконцернов, в частности «Локхид». Хаузеру были предъявлены неопровержимые улики, и он вынуж-

ден был поведать многое, никому до тех пор не известное. Вот тут-то и сработал его дневник.

Главная сенсационность показаний Эрнста Хаузера, как представителя концерна «Локхид» в ФРГ, заключалась в том, что была наконец рассеяна густая дымовая завеса, скрывавшая махинации «Локхид» в Федеративной Республике Германии: Хаузер первым открыто назвал имя своего «теплого» друга Франца-Йозефа Штрауса в числе политических деятелей, получивших огромные взятки от концерна «Локхид». Один из немногих, знавших все перипетии «дела Локхид» в ФРГ так же досконально, как сам Штраус, Хаузер показал под присягой в сенатской комиссии, что руководство ХСС во главе со Штраусом получило от «Локхид» в качестве «подарка» за сделку по «Старфайтерам» 10 миллионов долларов. Некоторые западногерманские газеты на основе появившихся в 1977 году дополнительных сведений писали уже о сумме в 20 миллионов долларов, истраченных концерном на взятки в ФРГ.

Кстати, после показаний Хаузера в комиссии сената на него обрушился буквально шквал заманчивых предложений от крупнейших западных журналов, готовых за бешеные деньги купить единичное право на публикацию фотокопии его дневника. Хаузер выбрал один из известнейших западногерманских журналов, который и заплатил ему шестизначную сумму.

Так стало известно, что Штраус, дав в конце пятидесятых годов огромный заказ концерну «Локхид» на «Старфайтеры» для бундесвера, помог концерну избежать финансового краха не только из военно-политических соображений.

Пожалуй, нет в Западной Европе другого политического деятеля, который был бы замешан в такой длинной цепи финансовых афер, как Штраус. Несколько лет назад мюнхенский земельный суд, который абсолютно невозможно заподозрить в предвзятости к Штраусу, в документе под номером 180680/64 вынужден был констатировать, что от Штрауса «просто разит коррупцией». Почему же

Штраус, оказавшись героем очередной крупнейшей аферы, не разделил судьбу своих коллег — клиентов «Локхид», вроде итальянских министров, генералов Фанали и Стэлена или авантюристов братьев Лефевр, преданных суду? Как удается Штраусу выходить сухим из самых грязных коррупционных луж? Ответ несложен: он нужен, Штраус, необходим военно-промышленному комплексу — этот «сильный человек», барабанщик антикоммунизма и антисоветизма.

«Франц, Франц, куда же делись акты?» — такой вопрос бросил однажды публично прямо в лицо Штраусу председатель социал-демократической партии Германии Вилли Брандт. Этот вопрос и поныне актуален и безответен: сегодня в ФРГ известно любому, что по заключенному Штраусом договору с «Локхид» на «Старфайтеры» существовало крупное досье из 500 папок только за 1956—1959 годы. А сколько было еще документов с 1959 года? Все эти материалы, по которым можно было бы установить размах коррупционной сделки Штраус — «Локхид», бесследно исчезли. Попытки официальных служб разыскать хоть какие-то следы документов оказались тщетны. Представитель военного министерства ФРГ публично заявил, что «нет никакой надежды обнаружить какие-либо материалы». Сначала западногерманскому обывателю подкинули версию о том, что все документы попали «по недосмотру» в макулатуру и были уничтожены при переселении военного министерства из старого здания казармы «Эрмекайль». Потом изобрели еще одну версию, будто бы они погибли в архивах военного министерства, когда там лопнули водопроводные трубы и помещение затопило. Любопытно, что официальные инстанции игнорировали показания ряда свидетелей, присутствовавших при том, как сотни папок в начале 1967 года переправлялись из военного министерства в финансовое, которым в тот год командовал Штраус, выбравшийся вновь на авансцену политики. Когда запросили министерство финансов, то его официальный представитель Рудлофф объявил: документы

были-де случайно погружены в мебельный фургон и не дошли по назначению, в министерство, исчезнув где-то по дороге. А так как они считались «частными материалами Штрауса», то их никто не регистрировал и не мог в них заглянуть. Задали об этом вопрос напрямую самому Штраусу, но он прикинулся наивным и ответил: «А я тут при чем? Если папки тогда исчезли, то следует спросить их с моих преемников по военному министерству...» Что же могут сказать эти «преемники», если после отставки Штрауса они рьяно продолжали его дело со «Старфайтерами»? Несколько лет назад депутат бундестага от СДПГ Карл Виенанд сделал попытку выяснить в бундестаге обстоятельства заключения Штраусом более чем странного соглашения с «Локхид». Тогдашний военный министр Кай Уве фон Хассель квалифицировал запрос Виенанда как «в высшей степени диффамационный и безответственный». Поистине судьба жестоко отомстила фон Хасселю: в марте 1969 года разбился очередной, 117-й «Старфайтер». Погиб 57-й по счету пилот — и им оказался сын фон Хасселя. Это произошло вскоре после того, как фон Хассель, отводя от Штрауса обвинения в этих авариях, назвал самолеты «Старфайтер», окрещенные «летающими гробами», — «самыми надежными самолетами в мире».

И тем не менее кое-какие следы штраусовских махинаций с «Локхид» все-таки отыскивались — правда, не в ФРГ, а за океаном: в Соединенных Штатах Америки были обнаружены 35 тысяч страниц материалов, документирующих аферу «Локхид» в ФРГ. Их содержание обличает прежде всего Франца-Йозефа Штрауса. И что же? С тех пор прошло уже два года, но председателя ХСС никто не беспокоит. Более того, на его защиту ринулись яро реакционные шпрингеровские газеты.

Афера американского концерна «Локхид» далеко еще не раскрыта до конца. Названы далеко не все политические деятели капиталистического мира, получавшие взятки от «Локхид»: как-никак, а на четырех континентах американский авиаконцерн щедрой рукой разбросал 100 миллионов долларов

на подкуп крупных политиков и государственных мужей. Многие даже из того, что уже выяснено, содержится в тайне. В частности, список лиц, прошедших по «делу Локхид» в специальной комиссии ФРГ, составляет 19 страниц. Названы лишь отдельные, мелкие с точки зрения крупной политики имена, если не считать, конечно, Штрауса. Но где же его ближайшие соучастники? Известно, например, что помимо Хаузера был еще один ближайший доверенный Штрауса, через руки которого проходили буквально все крупные дела военного министерства в бытность Штрауса главой этого ведомства. Какую роль сыграл этот человек, занимающий сегодня крупнейший военный пост в «совете богов» НАТО?

Швабский нзушник

Незадолго до того, как Штраус вынужден был уйти с поста военного министра, он, будучи на банкете у тогдашнего президента ФРГ и, видимо, хватив лишку горячительных напитков, вдруг рявкнул, что на днях разделается с ненавистным ему журналом «Шпигель» и будет полностью реабилитирован в финансовой афере с фирмой «Фибаг». Некоторые факты из этой истории имеют значение и для нашего повествования.

Акционерное общество «Финанцбау АГ» (сокращенно «Фибаг»), основанное в марте 1960 года, намеревалось строить здания для расквартированных в ФРГ американских войск. Одним из компаньонов в фирме был некий Капфингер, издатель газет в городе Пассау, не имевший никакого отношения к строительному делу. Но зато он был приятелем военного министра Штрауса. Проект фирмы не реализовался, хотя миллионы марок были вложены в «предприятие». Вообще-то в этом не было ничего из ряда вон выходящего — мало ли авантюры в деловых сферах Запада. Но большой шум поднялся после показаний Капфингера, заявившего: «Это было громадное дельце — жаль только, что

половину куша отхватил Штраус». Обращают на себя внимание не жаргон приятеля военного министра и даже не само участие Штрауса в очередной финансовой махинации, а два факта. Во-первых, афера с «Фибаг» так и не была раскрыта: в один прекрасный день все документы, касавшиеся фирмы, будучи посланы по почте из нюрнбергского суда в Бонн, бесследно исчезли по дороге — как позднее и материалы, связанные с «Локхид». И второе: пытаясь выгородить себя, Штраус и в тот раз прибегнул к своей излюбленной провокации — он обвинил мюнхенского советника «Фибаг» по финансовым вопросам Ганса Херршафта, выступавшего против Штрауса свидетелем обвинения, в том, что тот действовал «по заданию красных». Это уже четко просматривающийся метод Штрауса: как только он попадает с поличным, так немедленно начинает кричать о «кознях красных», о его «диффамации» со стороны русских.

Что же касается упомянутой истории с журналом «Шпигель», то из нее для нас важен один момент. Когда Штраус, выполняя свое обещание «разделаться со «Шпигелем», организовал налет на редакцию, он одновременно дал команду арестовать издателя журнала Аугштейна и редактора Конрада Алерса, находившихся в то время в Испании. В ФРГ упорно утверждают, что этот приказ Штрауса был передан по телефону в Испанию его ближайшим доверенным, полковником Гердом Шмюкле — тем самым Шмюкле, который является сегодня генералом, заместителем верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе. Вот мы и подошли вплотную к выяснению вопросов: кто такой Герд Шмюкле и почему зашла о нем речь в связи с авариями «Старфайтеров».

Герд Шмюкле родился 1 декабря 1917 года в Бад-Каннштадте (город в нынешней земле Баден-Вюрттемберг), в семье помещика. Приверженцы генерала утверждают, что в его характере нет ничего воинственного, нет военной косточки, что это «генерал против своей воли». Сам Шмюкле усердно поддерживает и пропагандирует такой свой об-

раз в кругах общественности. Немалую роль играет и распространяемая при этом самим генералом легенда о преследованиях и унижениях, которым он подвергался-де во времена нацизма. Правда, причиной этих «преследований» Шмюкле называет не политические или идейные разногласия с национал-социализмом, а... свое внешнее сходство с евреем. Он был-де настолько «затюкан» выпавшими на его долю издевательствами, что избрал единственный способ укрыться от них — вступил в вермахт. Так или иначе, эта личность, «преследовавшаяся при нацистах», дослужилась в гитлеровской армии до чина майора и поста командира артиллерийского соединения. Заслуги Шмюкле перед третьим рейхом отмечены рыцарским крестом, то есть высшей степенью гитлеровского «железного креста».

После краха нацистской Германии Герд Шмюкле ретировался в папино поместье, где занялся сельским хозяйством, а позже попытал счастья на поприще журналистики под псевдонимом Тил Мар (любопытно, что этот псевдоним означает в переводе «кошмар»). В бундесвер ФРГ Шмюкле попал по рекомендации одного графа. Новоиспеченный лейтенант бундесвера был быстро продвинут доброжелателями на должность референта при военном министре, которым был, как догадывается читатель, Франц-Йозеф Штраус. Герд Шмюкле быстро оценил выгоды своего нового положения и обрел чувство восторженного поклонения своему министру, обладавшему неимоверной жадностью власти. «С таким не пропадешь!» — радостно подумал референт и начал делать карьеру. Не прошло и двух лет, как Шмюкле из лейтенанта превратился в полковника. Более того, референт, мгновенно и беспрекословно выполнявший все указания своего шефа, стал довереннейшим лицом Штрауса, его правой рукой во всех военно-политических замыслах и делах. Хитрый, пронырливый, изворотливый помощник посвящался министром не только в государственные вопросы: в ФРГ многие знают, что Шмюкле выполнял самые щекотливые поруче-

ния могущественного хозяина военного ведомства, когда «во имя интересов дела» необходимо было организовывать и использовать интим в будуарах влиятельных дам западногерманского общества. За это полковник отвечал министру поистине собачьей преданностью: его даже прозвали «швабским наушником Штрауса». Так Герд Шмюкле приобрел огромное влияние в военных и политических сферах. Его боялись, перед ним заискивали крупные чины бундесвера и политики. Он мог подставить ножку любому генералу и любого мог облагодетельствовать. В Бонне родился и ходил сложносочиненный неологизм, произносившийся на одном дыхании: «штра-ус-и-его-пол-ковник». Нераздельные и неразлучные, как когда-то Штраус и Хаузер, они так и запечатлены на фотографии тех лет — Штраус, сидящий на велосипеде, а рядом, чуть позади — Герд Шмюкле с угодливой улыбкой, в сером штатском костюме.

Штраус, развивший, как мы помним, бешеную энергию для оснащения бундесвера современнойшим оружием, бросил на поддержку этого плана все связанные с ним пропагандистские силы. И возглавил эту кампанию в печати именно Герд Шмюкле. Концепция Штрауса зачернела в аншлагах газет, замелькала на экранах телевизоров. В январе 1962 года сам Шмюкле выступил с правофланговой статьей, дававшей направления военно-политической пропаганде. Этот трактат, опубликованный в еженедельнике «Крист унд вельт», носил громкое и претенциозное название — «Трансформация Апокалипсиса, или Размышления о Европе как поле военных действий». Шмюкле требовал для бундесвера ядерного оружия. Нужно учесть, что обстановка в мире была в тот период накалена до предела: из-за попыток Соединенных Штатов Америки задуть первый остров Свободы в Новом Свете, Республику Кубу, мир висел на волоске, карибский кризис был в полном разгаре. Появление поджигательской статьи Шмюкле вызвало резкую негативную реакцию даже у американского президента Д. Кеннеди, который окрестил «треплом»

Герда Шмюкле и «ослом» Франца-Йозефа Штрауса.

А вскоре лопнула военная карьера Штрауса. Вылетел из седла и его ближайший доверенный и советчик Герд Шмюкле. Его попытались устроить в один из штабов НАТО, но оттуда пришел решительный отказ: никто не хотел связываться с бывшим доверенным прогоревшего министра. В конце концов Шмюкле исчез в Париже, в закоулке одного из натовских учреждений. Казалось, карьере Герда Шмюкле пришел конец. Но недаром, будучи подручным Штрауса, он тратил свою энергию на установление и укрепление полезных связей с влиятельными кругами. Предприимчивому полковнику не дали пропасть, и уже в 1964 году он на приличной должности при боннском посольстве в Париже. Ему был даже пожалован чин бригадного генерала. Но вскоре его отозвали и оттуда, потому что он не поладил с генеральным инспектором (главнокомандующим) бундесвера. В возрасте 50 лет Шмюкле осел заместителем командира одного из танковых соединений. Но тайные покровители не оставили и дальше его своей милостью. В 1970 году Шмюкле получил чин генерал-майора и был выдвинут в главную квартиру НАТО на пост заместителя начальника отдела «по руководству немецкими соединениями». Три года спустя Герд Шмюкле сумел выскочить на крупную должность — директора «международного военного штаба» НАТО, уже в Брюсселе, куда вынуждено было перебраться руководство НАТО, выдворенное из Парижа.

И вот, наконец, с января 1978 года четырехзвездный генерал Герд Шмюкле вошел в триумфалит главном командования всеми вооруженными силами западного военно-политического агрессивного блока. Что же исповедует сегодня этот западно-германский генерал, прорвавшийся к пульту эвентуального развязывания новой мировой войны?

Из выступлений Герда Шмюкле в 1977 году всем стало ясно, что он как был, так и остался герольдом и яростным поборником оснащения бундесвера ядерным оружием. 6 ноября 1977 года Шмюкле

проповедовал в газете «Франкфуртер альгемайне»: «Если раньше последним словом королей были пушки... то ныне решающим шансом в чрезвычайном положении стало ядерное оружие».

Герд Шмюкле с самого начала заявил себя ярким пропагандистом нового чудовищного оружия — нейтронной бомбы, несмотря на то что против нее выступают сотни миллионов людей. Нейтронную бомбу, которая тотально уничтожает все живое в радиусе четырех километров, Герд Шмюкле воспеваает как оружие, которое «защитит гражданское население значительно эффективнее, нежели ядерная бомба».

«Политика силы», «превентивная оборона», «противодействие разрядке» — вот три основных компонента концепции генерала Шмюкле. В противовес трезво мыслящим государственным деятелям ФРГ, развивающим нормальные, добрососедские отношения с социалистическими странами, Герд Шмюкле, представляя интересы наиболее твердолобых и реакционных сил Федеративной Республики Германии, продолжает исповедовать антисоветизм.

Один из приверженцев генерала Шмюкле, полковник в отставке, комментатор по военным вопросам крупной западногерманской газеты «Франкфуртер альгемайне» Адельберт Вайнштейн с восторгом приветствовал назначение Шмюкле в самую верхушку главнокомандования НАТО. Глашатай агрессивной политики и стратегии, А. Вайнштейн заявил, что наконец-то «выдающийся офицер одержал победу над серыми генералами», что «настоящий боец занял подобающее ему место». Эти славословия в адрес Г. Шмюкле расшифровываются однозначно: в верхушку военной пирамиды НАТО выдвинут опасный авантюрист, готовый на применение самого чудовищного в истории человечества оружия.

Но наряду с панегириками, которые поют генералу Шмюкле закоперщики перекройки политических реальностей в Европе, многие в ФРГ задают себе сегодня вопрос: долго ли удержится генерал

Шмюкле в военном «совете богов» НАТО? Не рассеется ли вскоре та дымовая завеса, которой окружили имя Шмюкле влиятельные силы, чтобы спасти «честь его мундира» в связи с некоторыми скандальными историями, в частности с аферой «Локхид» в ФРГ? Ведь Герд Шмюкле, по сообщениям газет, был именно тем ближайшим сподвижником и советчиком бывшего военного министра Штрауса, который вместе с ним планировал и приводил в исполнение все военно-политические замыслы, в том числе и сделку с «Локхид». Не готовила ли капризная фортуна генералу Шмюкле в ближайшем будущем ту же роль, в какой уже один мин-херц Штрауса, Хаузер, выступал в сенатской комиссии США? Ведь коррупционная деятельность концерна «Локхид» в ФРГ и других странах продолжает оставаться в поле зрения общественности, ведь еще не заговорили те, кто ее породил и осуществлял. Правда, буржуазной Фемиде не с руки выставлять их на всеобщее обозрение — слишком уж велик скандал. Недавно хорошо информированная газета, орган крупного капитала ФРГ «Хандельсблатт» опубликовала любопытное сообщение из США: министерство юстиции Соединенных Штатов никак не может решиться предъявить официальное уголовное обвинение ведущим менеджерам «Локхид», в частности бывшему президенту концерна А. К. Котчиану. Почему же? Да потому, что, не теряя присутствия духа, тот заявил: если его привлекут к ответственности, то он представит неопровержимые доказательства активнейшего участия в громадной афере «Локхид» многих ведущих американских политиков, дипломатов и высших чинов Центрального разведывательного управления. «А посему,— делает вывод газета,— судебный процесс над Котчианом не состоится никогда». Может ли более наглядно проявиться аморальность капиталистической юстиции? Но ведь, как говорят, человек предполагает, а бог располагает. Не попадет ли случайно в свет рампы какой-нибудь новый хаузер, который обладает не только дневником, но и документальными материалами?..

Афера американского концерна «Локхид», несмотря на ее межконтинентальный размах, все же могла остаться в памяти как один из очередных коррупционных скандалов, сплошь и рядом взрывающихся в капиталистическом мире, если бы она не имела прямого отношения к политическому феномену, аналогий которому капиталистический мир еще не знал. Он носит название «клуб бильдербергеров». Что же это такое?

Глобальные тайны глухого отеля

Этот гremium, имеющий широчайший международный характер, тем не менее не зарегистрирован в числе трех тысяч существующих ныне международных организаций, хотя он работает уже четверть века. До последнего времени его окружала непробиваемая, бетонная стена молчания и глубочайшей тайны. Никто, кроме посвященных,— даже самые пронырливые и информированные журналисты— не имел абсолютно никакого представления о нем. Но в конце концов сведения о «клубе» все-таки просочились.

Первое организационное и политическое заседание этого форума состоялось в разгар «холодной войны», в 1954 году, в небольшом, но в высшей степени комфортабельном отеле, расположенном в глухом лесу недалеко от голландского города Арnhem. Меры предосторожности вокруг этой встречи не идут в сравнение ни с охраной штаб-квартиры НАТО в Брюсселе, ни с охраной Центрального разведывательного управления США, ни даже с засекреченностью тех мест, где в конце второй мировой войны завершалась работа над американской атомной бомбой. Целый легион специально вымуштрованных, особо доверенных, одетых в штатское офицеров натовских вооруженных сил контролировал не только каждый метр лесного массива под Арnhemом, но и дальние подступы к нему. Как говорится, к отелю не могла ни птица пролететь, ни серый волк проскочить. Даже сами

участники встречи прибыли на нее под строжайшим инкогнито. Отель, где они собрались, носит название «Бильдерберг», и организация, родившаяся на встрече в нем в 1954 году, получила поэтому название «клуб бильдербергеров». Тогда же было решено проводить эти встречи ежегодно, причем каждый раз в ином месте и даже в другой стране, чтобы сохранить абсолютную секретность. «Первая заповедь «клуба бильдербергеров»,— писал итальянский журнал «Эуропео»,— это полная секретность».

Для того чтобы представить себе значение этого «клуба» в мировой политике, назовем хотя бы некоторых участвовавших и участвующих в нем. Политические и военные деятели: президент США Д. Картер, его ближайший помощник Збигнев Бжезинский, Сайрус Вэнс; затем генералы Норстед, Гудпейстер и Хейг, бывший директор ЦРУ Аллен Даллес, бывший государственный секретарь Генри Киссинджер; генеральный секретарь НАТО Лунс, президент Франции Жискара д'Эстен, его земляки — Ги Молле, Антуан Пино, Ренэ Плевен, Мендес — Франс, Гастон Дефевр, Жорж Помпиду (в бытность его генеральным директором банка Ротшильдов); из ФРГ — творец «экономического чуда» Людвиг Эрхард, председатель СДПГ и председатель Социалистического Интернационала Вилли Бранд, разумеется, главный западногерманский «ястреб» Франц-Йозеф Штраус; из хозяев крупнейших монополий мира — Генри Форд-Второй, французский банкир Эдмонд де Ротшильд, супербанкир ФРГ Герман Абс, президент итальянского автомобильного гиганта ФИАТ Джованни Аньелли, владелец танкерного флота из Греции Ставрос Ниархос, шведский банкир Маркус Валленберг. Приведенный перечень включает лишь небольшую часть участников. На каждой встрече «бильдербергеров» собирается до ста ведущих политиков и монополистов капиталистического мира. Но даже немногие названные имена дают представление о составе и значении «клуба бильдербергеров». Упомянутый журнал «Эуропео» точно определил роль «клуба» как «тенево-

го правительства» капиталистического мира, стоящего «над национальными правительствами, и конечно, более могущественного, чем они». «Бильдербергеры» вырабатывают рекомендации для правительств капиталистических стран по важнейшим экономическим и военно-политическим вопросам — рекомендации глобального и длительного действия. Разумеется, на первом месте стоит борьба против стран реального социализма. Уже на первом заседании «клуба», в 1954 году, главным был вопрос: «Защита Европы от коммунистической опасности». На очередной встрече в 1978 году, состоявшейся в США, недалеко от города Принстона, обсуждались три главные проблемы: так называемая «советская угроза миру», оборона Запада и в соответствии с первыми двумя — дальнейшее наращивание вооруженных сил НАТО, несмотря на многочисленные конструктивные предложения социалистических стран о сокращении вооружений.

Таким образом, не обладая какими-либо формальными, юридическими правами, «бильдербергский клуб» представляет собой важнейший координирующий центр политики всего капиталистического мира.

В советской печати одним из первых сообщил о нем профессор Н. Молчанов в статье «Тайная власть бильдербергеров», опубликованной в «Литературной газете» 1 июня 1977 года. Он приводил тогда высказывание американской газеты «Вашингтон пост» о том, что «участники бильдербергских встреч... вырабатывали и проводили в жизнь военную и экономическую политику Северо-Атлантического союза», и подчеркивал, что «бильдербергский клуб» является важным рычагом многонациональных корпораций, этих глобальных классовых организаций международного капитала, симбиозом крупного капитала и политической элиты Запада. Поэтому «клуб» имеет реальные возможности диктовать национальным правительствам капиталистических стран основные направления политики,

Длительное время «клуб бильдербергеров» функционировал без каких-либо срывов. И вдруг произошло ЧП. В 1976 году в некоторых западных газетах промелькнуло сообщение, которое гласило: «В этом году встреча бильдербергеров не состоится. Причины ее срыва неизвестны». Позже выяснилось, что она была отменена по инициативе супербанкира Соединенных Штатов Америки Дэвида Рокфеллера. Для того чтобы понять его побудительные мотивы и роль Рокфеллера в США и «клубе», следует хотя бы в нескольких строках очертить сферы его деятельности и ее размах. Клан Рокфеллеров, главой которого является ныне Дэвид, обладает решающими позициями в таких гигантских монополиях, как «Экссон», «Мобиль ойл», «Стандарт ойл оф Калифорния». Он занимает прочное место в руководящих органах таких громадных концернов, как «Дженерал электрик», «Доу кемикал», в трех крупнейших страховых обществах США, ворочающих многими миллиардами долларов. Клан Рокфеллеров держит в своих руках контрольные пакеты акций в десяти авиационных компаниях, в военном концерне «Макдоннел Дуглас», в электронных и атомных концернах. Клан Рокфеллеров командует в гигантских объединениях финансового капитала — «Чейз Манхэттен бэнк», «Нейшнл Сити бэнк оф Нью-Йорк», «Нейшнл бэнк оф Чикаго». С могуществом Рокфеллеров вряд ли кто может сравниться в Америке. Неохватное взором экономическое могущество клана Рокфеллеров определяет и то влияние, которое он имеет на политические решения Белого дома и конгресса. Без Рокфеллеров сегодня не может править в США никто. Не случайно однажды было сказано: «Ричард Никсон (в период его президентства. — Т. Е.) не определяет то, что должен делать Рокфеллер. Скорее — наоборот». Клан Рокфеллеров уже многие десятилетия заполняет своими ставленниками ключевые посты в Вашингтоне. Генри Киссинджер, прежде чем стать в свое время государственным секретарем США, был руководителем «мозгового треста» у Нельсона Рокфеллера.

Один из предшественников Киссинджера на посту государственного секретаря, Дин Раск, тоже служил сначала у Рокфеллеров. Да и все остальные государственные секретари США, их заместители, а также главнейшие советники американских президентов были так или иначе — но тесно — связаны с домом Рокфеллеров. Как пишет известный западногерманский ученый-историк, писатель и публицист Бернт Энгельман, Джимми Картер не попал бы на пост президента США, если бы на него не сделал ставку рокфеллеровский клан. Зарубежная печать сообщала, что в 1972 году Картер вошел в прямой контакт с Дэвидом Рокфеллером через сотрудника ЦРУ Мильтона Катца. И после того как Дэвид Рокфеллер в один туманный день поздней осени 1973 года поужинал в Лондоне с Джимми Картером, он решил, что «новый человек» из штата Джорджия, еще не замешанный в скандалах и аферах высоких политиков, представляет собой подходящую фигуру для поста президента. Д. Рокфеллер бросил на поддержку Картера все свое влияние. После этой лондонской встречи Д. Рокфеллер ввел Картера в известную трехстороннюю комиссию, которая координирует отношения США с Западной Европой, Канадой и Японией. В эту комиссию, председателем которой от Северной Америки является Д. Рокфеллер, входит политическая и финансово-промышленная элита США, Западной Европы, Канады и Японии. Вместе с Картером в нее были введены Сайрус Вэнс и Збигнев Бжезинский, которого Д. Рокфеллер уже тогда прочил на пост помощника президента по национальной безопасности. Таким образом, все они, прежде чем войти в Белый дом, прошли, фигурально выражаясь, «выучку» у Рокфеллеров.

Учтя все это, читатель может полностью оценить смысл той фразы, что именно по инициативе Дэвида Рокфеллера была отменена встреча «билдербергеров» в 1976 году. Почему же он настоял на этом?

В то время уже в полную силу раскручивался

скандал вокруг авиаконцерна «Локхид», а с ним оказались связаны некоторые влиятельнейшие члены «клуба бильдербергеров». Прежде всего Д. Рокфеллер помнил, что по поручению этого концерна Джимми Картер совершил в свое время крупное деловое турне по странам Латинской Америки, до того как он стал президентом. Никто не знает, какое задание «Локхид» выполнял Картер в этой поездке. Д. Рокфеллер был осведомлен лучше других об этой поездке Картера, и ему не хотелось, чтобы имя Картера каким-либо образом попало в эпицентр скандала вокруг «Локхид». Тогда же стало известно — после показаний упоминавшегося Эрнста Хаузера в сенатской комиссии США, — что Штраус обвинен в получении крупных взяток от «Локхид». Кроме того, обнаружилось, что член королевской семьи Нидерландов, принц Бернард, являющийся бессменным президентом «бильдербергского клуба», оказался одним из «клиентов» концерна «Локхид», получив от него взятку в размере 30 миллионов долларов. Раскрытый взяточник на посту президента «теневого правительства» капиталистического мира — это все-таки «нонсенс» даже для Запада.

Вот эти-то ставшие известными факты заставили элитную группу «клуба бильдербергеров», в которой особым влиянием обладает Д. Рокфеллер, проявить решающую инициативу в отмене очередной ежегодной встречи «бильдербергеров». Это был тактический шаг с целью переждать скандал вокруг «Локхид» и других авиаконцернов США, вызвавший широкое возмущение мировой общественности. Разумеется, эта мера ни в коей степени не ослабила, а, наоборот, активизировала тайную деятельность «бильдербергеров». Так коррупционные аферы супермонополий США напрямую затронули высочайшие политические сферы капиталистического мира.

Но тактический шаг не принес ожидаемых результатов.

«Землетрясение» на Капитолийском холме

Короткое сообщение из десяти строк, опубликованное в конце 1978 года западными газетами, вызвало в капиталистическом мире очень широкий резонанс. Оно гласило: «Вашингтон. По данным официальных инстанций, американский концерн ИТТ с начала семидесятых годов вел активный подкуп известных политических деятелей в Индонезии, Иране, Нигерии, Мексике, Италии, Турции, Чили, на Филиппинах. Миллионы долларов истрачены на взятки для обеспечения заказов ИТТ на строительство средств связи в этих странах».

Стоит напомнить, что ИТТ, эта гигантская корпорация, название которой полностью расшифровывается как «Международная телефонная и телеграфная корпорация», владеет 1200 предприятиями, расположенными не только в США, но и в других странах Нового Света, а также в Западной Европе, в Африке, на Ближнем Востоке и в Азии. На нее работают 400 тысяч человек. Годовой оборот ее перевалил далеко за 10 миллиардов долларов, а прибыли — за 500 миллионов в год. Концерн является одним из тридцати постоянных поставщиков Пентагона. В международной политике ИТТ известна самыми черными делами. Она была, например, одним из главных инициаторов — наряду с ЦРУ — свержения правительства народного единства в Чили, где ее инвестиции оцениваются в 200 миллионов долларов. Именно ИТТ в лице руководителя ее вашингтонского бюро Уильяма Мерриама предложила Белому дому программу ликвидации правительства С. Альенде. «Необходимо сделать все возможное, — говорилось в этом документе, — чтобы Альенде не выстоял предстоящих решающих шести месяцев. Белый дом обязан создать в рамках национального совета безопасности специальный штаб, который будет осуществлять руководство нажимом на Чили». После фашистского путча в Чили закулисная роль ИТТ в нем стала широко известна и вызвала бурное возмущение мировой общест-

венности. И вот ИТТ попадает с поличным в новой грязнейшей политико-финансовой афере. Каков ее действительный размах и кто персонально был «облагодетельствован» из политических деятелей, ограничилась ли афера только названными странами — все это пока неизвестно. Однако просочившиеся сведения дают возможность предположить, что сей скандал по своему калибру близок к континентальной афере концерна «Локхид».

Очевидно, именно поэтому классовая буржуазная юстиция США закрывает глаза на черные дела американских монополий и прекращает очередное судебное дело против ИТТ. Конечно, какие судьи решатся поставить под удар монополию, имеющую «свои руки» в высших сферах американской политики? Но и прекращением судебного процесса не удастся отмыть запачканный коррупционными делами фасад этой громадной корпорации.

Кончался 1978 год. Буквально за несколько дней до рождества «крупный предновогодний подарок» преподнесла американцам газета «Нью-Йорк таймс». Она опубликовала сообщение о том, что очередной коррупционный скандал разгорелся теперь уже вокруг авиаконцерна «Макдоннел Дуглас». Официальная комиссия, проверявшая документы концерна, выудила из них сведения о том, что «Макдоннел Дуглас» потратил громадные средства на подкуп иностранных политических деятелей и директоров авиалиний во многих странах мира. Этот концерн, кроме коррупционных дел, «прославился» на весь мир самыми страшными авиационными катастрофами, в которых погибли многие сотни пассажиров на самолетах ДС-10, выпускаемых «Макдоннел Дуглас». Оказалось, что самолеты этого типа чрезвычайно ненадежны: в них были обнаружены при обследовании серьезные, грозящие новыми катастрофами дефекты, и на пассажирских авиалиниях был запрещен полет 138 самолетов ДС-10. В связи с этим нелишне напомнить, что еще в 1974 году под Парижем разбился приобретенный турецкой авиакомпанией ДС-10, похо-

ронив под своими обломками 343 человека. И еще заметим: сегодня концерн «Макдоннел Дуглас» рекламирует выпускаемый им военный самолет Ф-15 как «самый надежный и самый эффективный боевой самолет». Одно из таких панегирических рекламных объявлений было помещено, в частности, в мае 1979 года в западногерманском журнале «Капитал». После истории с ДС-10 можно представить себе истинную цену и рекламы, и «надежности» этого Ф-15, который стремятся навязать как экспортную новинку многим странам.

Одной из первых западноевропейских стран, в которую попали раскаленные головешки очередной американской аферы, оказалась Австрия. Выяснилось, что концерн «Макдоннел Дуглас» распределил среди руководителей «Аустрия айрлинес», которая приобрела у концерна партию самолетов ДС-9, взятки на семь миллионов шиллингов. В Австрии поднялся невиданный шум. Ряд директоров австрийской авиатранспортной компании с перепугу обратились к руководству «Макдоннел Дуглас» с требованием прислать в Австрию письмо, в котором их имена были бы «очищены от обвинений во взяточничестве». Однако американский концерн такого заверения не дал. Более того, из США поступило сообщение, что эти миллионы переводились в Австрию через лихтенштейнскую фирму СЕФИ, служившую посредником в американско-австрийских махинациях. Один из бывших доверенных австрийской компании Крейслер, попавший вместе с другими под подозрение, публично заявил, что за оскорбление он привлечет к судебной ответственности тех, кто назвал его имя. Однако дальше этого вскрика он не пошел и в суд не обратился. И прокуратура, обещавшая ему вроде бы поддержку, тоже умолкла и не предприняла никаких мер в его защиту, как говорят в Австрии, из «высших соображений». Очевидно, начинать такой «защитный» процесс было опасно—он мог превратиться в расследование. Бурный фонтан словоизвержений ушел в песок, что явилось для миллионов австрийцев косвенным подтверждением замаранности

«чести мундира» названных деловых людей. Газета «Фольксштимме» с полным основанием спросила 23 марта 1979 года: «Почему государственная прокуратура молчит? Когда она возьмется за это грязное дело?..»

Жители другой западноевропейской страны, Нидерландов, подобного вопроса не задают — он излишен, потому что там уже идет судебное расследование махинаций американского концерна «Макдоннел Дуглас». Напомним читателю, что в этой стране подкупом политических деятелей занимался и «Локхид», подкинувший «на мелкие расходы» 30 миллионов долларов члену королевской семьи, что еще раз было подтверждено ведомством надзора за американскими биржами в феврале 1979 года. А в марте 1979 года обнаружилось, что концерн «Макдоннел Дуглас» облагодетельствовал взяткой в 200 тысяч долларов бывшего директора широко известной нидерландской авиатранспортной фирмы КЛМ Фритса Безансона, чтобы с его помощью облегчить себе сбыт в Нидерландах самолетов ДС-10. Кстати, имя этого нидерландского деятеля упоминалось и в связи с аферой «Локхид», но только после всплывших на поверхность незаконных сделок с «Макдоннел Дуглас» против Безансона началось судебное следствие. При этом выяснилось, что и сама компания КЛМ не гнушалась коррупционными методами: она, так сказать, на взаимных основах подкупала американских деятелей для рекламы находящихся в ее эксплуатации самолетов. В Нью-Йорке уже долгое время идут судебные процессы против КЛМ, о которых никому не сообщается: дела слушаются за закрытыми дверями...

Пока в Австрии, Нидерландах и некоторых других европейских странах разворачивался скандал в связи с коррупционными аферами американского концерна «Макдоннел Дуглас», в далеком Токио произошло событие, вызвавшее пристальное тревожное внимание общественности: в начале февраля 1979 года с верхнего этажа одного из высотных зданий выбросился и разбился насмерть Мицухира

Симада. Этот новый для Японии вид харакири совершил над собой миллионер, президент японской «Ниссе-Иваи Айроспич компани»: у него, как в свое время у вице-президента «Локхид» Роберта Н. Вальтера, не было иного выхода. Фирма Симада занимается оснащением японских военно-воздушных сил американскими самолетами, оборудованными системой для радарного шпионажа. Речь идет о применявшемся американцами в войне против Вьетнама модернизированном самолете-шпионе типа E-2Ц, носящем название «Хайкей». Этот самолет производится на заводах американского авиаконцерна «Грумман корпорейшн», стоящего на восьмом месте в США по производству военной продукции и на втором месте по экспорту вооружений. Радарную аппаратуру для «Хайкея» поставляет концерн «Дженерал электрик» — четвертый по рангу среди военно-промышленных монополий Соединенных Штатов Америки. Эти два концерна развернули в Японии широчайший подкуп политиков, парламентариев и генералов для успешного сбыта своей продукции. Отметим, что каждый такой самолет с наземным для него оборудованием стоит десятки миллионов долларов. Президент японской фирмы, конечно, как никто иной, знал точно, какие суммы проходили через его руки на подкуп японских политических деятелей, и не мог ждать пощады. Но его самоубийство не смогло затушить, а, наоборот, разожгло скандальный пожар. Расследованием всей этой истории — в связи с ее крупными габаритами — пришлось заняться японскому парламенту.

Новые скандалы в США и за их пределами только-только начали разворачиваться, и мы, очевидно, станем свидетелями новых потрясений во многих странах капитализма, новой «рубки политических голов», возможно убийств и самоубийств. А пока обратимся к событиям, которые уже стали известны в целом и в деталях и которые вызвали серьезное «землетрясение» на Капитолийском холме, где находится резиденция американского конгресса.

В ноябре 1978 года происходили очередные выборы в американский конгресс. Как сообщали газеты, несмотря на то что в новом его составе появилось значительное число свежих лиц, общий социальный облик американского парламента по сути не изменился — почти четверть сенаторов являются миллионерами. Стоит заметить, что в новый состав конгресса не попал ни один представитель 25-миллионного негритянского населения.

Саркастическую усмешку многих американцев вызвало чисто буржуазное осуществление принципа равноправия женщин: Нэни Лэндон Кассельбаум оказалась единственной представительницей прекрасного пола среди сотни сенаторов США. И надо же — правящие круги не нашли среди многих десятков миллионов американок более достойной дамы, чем 46-летняя миллионерша, которая, еще не успев освоить сенатскую скамью, попала на страницы американских газет в связи с грязными финансовыми делишками. За сообщениями о нечистой на руку даме-сенаторше последовало скандальное разоблачение новоиспеченного сенатора-демократа Даниэла Флуда, который попался на подкупах и лжесвидетельствах.

Но, помилуйте, скажут некоторые радетели и пропагандисты морали и прав человека в США, — это же отдельные и отнюдь не типичные случаи. А в целом конгресс США и государственный аппарат... А действительно, как «в целом»? Риторичность вопроса лучше всего иллюстрируется дальнейшими «нетипичными случаями».

В конце 1978 года вдруг выяснилось, что еще 34 конгрессмена Соединенных Штатов — взяточники элементарного пошиба, получавшие подачку — от кого бы вы думали? — от бывшего южнокорейского посла в США Ким Донг Хо за то, что они «благоприятствовали» в конгрессе «интересам» Южной Кореи. Крупные скандалы начинаются, как правило, с досадных мелких случайностей. Собираясь как-то нанести очередной визит в конгресс, этот дипломат с восточной окраины азиатского матери-

ка набил свои карманы и саквояж очередными конвертами с пачками стодолларовых банкнот. Каждый конверт предназначался определенному члену конгресса. То ли он спешил и небрежничал, то ли испортились замки у саквояжа, но эти конверты как-то вывалились на всеобщее обозрение, и зашумел новый скандал. Однако несмотря на неумолимую явь, несмотря на то что грязные пятна продажности густо вымарали «мундиры чести» уже десятков конгрессменов, несмотря на то что расследование обнаружило неопровержимые факты взятки,— дело было прекращено. Причиной, по заявлению эксперта специально созданной комиссии Леона Яворского, послужило реальное опасение: размеры и последствия скандала не поддавались калькулированию, и Капитолий мог оказаться центром нового политического землетрясения. В ходе расследования обнаружилось, что «представители американского народа» в конгрессе — и не только означенные 34 — продавали свою совесть и честь не одному лишь послу из Южной Кореи, но и его земляку — темному дельцу по имени Тонсан Парк. Он создал роскошный салон под названием «Джорджтаун клуб» в Вашингтоне, куда приглашались исключительно крупные американские «друзья». В их распоряжении всегда были «роллс-ройсы», «кадиллаки» и «мерседесы», из коих состоял гараж предприимчивого южнокорейского патрона. Взгляды гостей услаждали полотна Пикассо и Шагала, украшавшие стены фешенебельной резиденции гостеприимного хозяина. Размах Тонсан Парка был куда шире, чем даже у его соотечественника-посла: очевидно, южнокорейские монополии выделяли ему для подкупа американских политиков несравненно больше средств, чем правительство Южной Кореи предоставляло на эти же цели своему послу в Вашингтоне. Во всяком случае, как сообщали газеты, если посол вручал подачки «всего лишь» 34 конгрессменам, то из рук Тонсан Парка кормились — или подкармливались — уже около 100 членов американского конгресса, губернаторов и крупных государственных чиновни-

ков. Аппетит, как известно, приходит во время еды: бедным государственным деятелям США, конгрессменам и сотрудникам государственного аппарата маловато, видите ли, тех 25 миллиардов долларов, которые, по официальным данным, ежегодно переправляются незаконными способами из государственной кассы в личные карманы представителей правящих кругов. Вот они и не брезгают подачками из других стран.

Журнал «Юнайтес Стейтс ньюс энд Уорлд ри-порт» добавил новые любопытные штрихи в общую картину продажности и коррупции в органах власти Соединенных Штатов Америки. Он поведал читателям, что с 1970 года в коррупции замешаны 1598 высокопоставленных официальных лиц США. В одном только штате Иллинойс с 1971 по 1976 год активными взяточниками оказались 20 членов законодательного собрания штата и 100 полицейских чинов. Незадолго до этой публикации бывший губернатор штата Иллинойс Отто Кернер попал за взятки в тюрьму. Его судьбу разделили бывший губернатор штата Оклахома Дэвид Хэлл и губернатор штата Мэриленд Мандель. В штате Нью-Джерси за шесть лет на взятках «погорели» мэры десяти городов, три члена правительства штата, многие полицейские чины. Журнал сообщил и о том, что за эти же годы еще 15 членов конгресса США запутались в грязных финансовых аферах и попали под суд.

Государственный и политический аппарат Соединенных Штатов, которые с некоторых пор решили взять на себя роль «моральных лидеров» в мире, настолько поражен коррупционной коррозией, что вне ее не осталось, пожалуй, ни одного его звена, включая Белый дом с его высшими по иерархии обитателями. Когда шум вокруг темных махинаций концерна «Локхид» был в самом разгаре, в США опять всплыло на поверхность имя бывшего президента Ричарда Никсона. Обнаружилось, что покидая после уотергейтского скандала высший пост, Никсон увез из президентской резиденции не принадлежавшие ему ценности общей стоимостью

в два миллиона долларов. Среди них были изумительной работы ковры, золотые напольные часы и даже дамские украшения с бриллиантами.

Став президентом, Джимми Картер привел на государственные посты многих своих людей из родного штата Джорджия. Один из них — Бэрт Лэнс. Во времена губернаторства Д. Картера в Джорджии Б. Лэнс был не только его ближайшим советником, но и, так сказать, личным банкиром. Картер сказал о нем: «Бэрт Лэнс — мой друг. Я знаю его, как родного брата. Бэрт — хороший, достойный уважения человек». А вскоре после того как Лэнс перенесся из Джорджии на пост ближайшего советника Картера-президента, его федеральная карьера лопнула, не успев, по сути, начаться: он оказался участником крупной финансовой аферы, нити которой протянулись за пределы США. В сентябре 1977 года Лэнса убрали. Вслед за ним «погорел» Питер Борн, советник президента Картера по вопросам здравоохранения и борьбы с наркоманией. Выяснилось, что этот 38-летний чиновник, врач по профессии, который должен был бы в соответствии со своим постом искоренять наркоманию, охватившую, по сообщениям печати, более двух миллионов американцев, сам употребляет наркотики, ибо жить не может без кокаина. Борн пытался очень своеобразно оправдаться: он сослался на то, что еще пять сотрудников из «команды Картера» курят марихуану и нюхают кокаин. «Оправдание» не помогло — Борна заставили подать в отставку. Ходили слухи о том, что он не только употреблял наркотики, но имел какое-то отношение к тайной торговле ими. Подпольную, нелегальную торговлю наркотиками в США монополизировала мафия, в частности гигантская гангстерская корпорация «Коза ностра». И связанные с ней тысячи американских полицейских. Скандал разразился столь громкий, что Картер оказался перед необходимостью выступить по телевидению и даже заявить, что лично ему, президенту, Борн не прописывал и не передавал никаких наркотических средств. Некоторые газеты, сообщая об истории с

Борном, подверстали к ней информацию о том, что в министерстве здравоохранения США за один лишь год разворовано крупными чиновниками 7 миллиардов долларов.

Так что государственный аппарат крупнейшей капиталистической страны не уступает в коррупции монополиям Соединенных Штатов Америки. В книге «Вашингтонская распродажа», написанной американцем Винтербергером, который глубоко посвящен в коррупционные дела власть имущих, потому что сам многие годы был посредником в них, говорится: «Высокие государственные посты, влияние и власть в Вашингтоне — все это продается и покупается. Главное — иметь деньги. Если они есть у вас в достаточном количестве, вы обладаете возможностью оказывать влияние на политику так, что это приносит вам прибыли».

Крупный капитал и государственная власть в мире капитализма живут по своим законам, презрев всякие человеческие нормы общежития. Они вспоминают о них только в тех случаях, когда необходимо пропагандистское прикрытие грязным и преступным делам «сильных мира сего». Пример тому мы найдем в «капиталистически-добропорядочной» Швейцарии и тем самым дополним заокеанскую палитру коррупции некоторыми любопытными мазками, которые в 1979 году с нарастающим удивлением узнавала общественность Западной Европы.

Женские прелести и «цюрихские гномы»

Несколько месяцев назад в Швейцарии разразился скандал, причем в общегосударственном масштабе: столпы столичной морали обнаружили в одной из купален Берна несколько женщин, «холмы Венеры» которых были открыты для всеобщего обозрения. Консервативная партия Демократический союз конфедерации (ДСК), в общем-то едва заметная на политическом горизонте страны, возвела «дело о русалках» до угрозы об-

шенародной нравственности. Инициативная группа ДСК собрала 12 тысяч подписей для внесения законопроекта под названием «Против чудовищного потрясения купальных нравов». Законодательная инициатива ДСК превратила бернскую комедию с бюстгальтерами в объект высокой политики: согласно конституции швейцарские граждане, обладающие правом голоса, должны были путем общенационального референдума решить, подпадает ли купание женщин без бюстгальтеров под наказание по уголовному кодексу. В сравнении с теми волнами порнографии, которые в последние годы захлестнули всю Западную Европу, эту войну против обнаженных женских прелестей можно было бы рассматривать как курьез в новейшей истории швейцарской нравственности, если бы она не преследовала четко очерченных пропагандистских целей, а именно: отвлечь внимание общественности и всего народа от действительных моральных и нравственных проблем политико-экономической жизни. Взять хотя бы деятельность «цюрихских гномов», как окрестили в мире швейцарских банкиров: с середины XX века благообразная Швейцария превратилась в международный официальный и одновременно тайный притон так называемых «беглых денег». Что они собой представляют и какова их роль в политике, можно показать, скажем, на примере Ирана.

Сейчас в мире очень многие гадают о размерах богатств бежавшего из Ирана перед свержением своего кровавого режима шаха Реза Пехлеви. Осведомленные лица называют сумму в 22 миллиарда долларов, которую шах «скопил» на грабеже народа. Значительную часть этих средств он контролировал во время своего правления через так называемый «фонд Пехлеви», который обладал решающим влиянием в 17 банках и страховых обществах страны, в 45 строительных предприятиях, 43 фирмах по производству продуктов питания, 26 торговых фирмах, 25 металлообрабатывающих предприятиях, 8 акционерных горнорудных обществах и почти во всех крупнейших гостиницах Ирана.

Прибыли от деятельности всех этих компаний и обществ шли в карманы шаха и членов его семьи. Осознав безнадежность своего режима в связи с народными выступлениями, шах переправил основные богатства за границу, в частности в нью-йоркский филиал фонда, юрисконсульту которого служит, кстати, бывший государственный секретарь США Вильям Роджерс, и, особенно, в швейцарские банки как самые надежные. Только в сентябре — октябре 1978 года шах перевел два с половиной миллиарда долларов. Причем делал это в основном не от своего имени, а используя родственников и приближенных. 113 миллионов перевела, например, принцесса Ашрафи, 41,4 миллиона — племянница шаха, 68,5 миллиона — бывший шеф национальной нефтяной компании Анзари, 52 миллиона — другая племянница шаха, 51 миллион — бывший начальник тайной полиции САВАК генерал Насири (вскоре расстрелянный революционной властью), 27 миллионов — бывший заместитель военного министра генерал Туфанян и другие. Как писала западно-германская газета «Франкфуртер альгемайне», это посоветовали шаху сделать его «друзья» из крупных капиталистических финансовых объединений.

10 февраля 1979 года новое правительство Ирана предъявило швейцарским банкам требование наложить арест на эти «беглые деньги». Казалось бы, какое может возникнуть сомнение в незаконном, аморальном происхождении упомянутых гигантских богатств? Однако швейцарские «гномы» отказались вернуть иранскому народу награбленные шахом колоссальные суммы. Арбитражная комиссия швейцарских банков потребовала от революционного правительства Ирана представить доказательства того, что эти богатства были созданы путем «прямого присвоения или воровства». С точки зрения юридической, заявила комиссия, «у швейцарских банков нет оснований сомневаться в законности приобретения шахом этих денег». Расхищение народного достояния, коррупция шахского режима, громадные подкупы и взятки — это, види-

те ли, не доказательство для банков, хотя даже буржуазный западногерманский журнал «Шпигель» с фактами в руках обвинил бывший шахский режим в Иране «в беспримерной доселе коррупции». Но что до того швейцарским «гномам» — их деятельность тщательно охраняет законодательная власть: ведь парламент Швейцарии находится полностью в руках финансового капитала потому, что из 200 депутатов его 177 занимают более тысячи руководящих должностей в правлениях банков и концернов. Как тут не вспомнить пословицу, свидетельствующую о живущих по триста лет птицах, которые друг другу глаза не выключают...

Недавно вышла в свет наделавшая много шума документальная книга Жана Циглера «Швейцария, которая выше всякого подозрения». Автор посвятил ее разоблачениям махинаций швейцарского финансового капитала — банков, которые считались до сих пор в капиталистическом мире «самыми респектабельными». Используя легальный трюк — тайну банковских вкладов, — швейцарские «гномы» набили в последние десятилетия свои сейфы многомиллиардными суммами «беглых денег». Именно в швейцарские банки перевели громадные суммы главари американских гангстерских банд, осколки уничтоженных в разных странах антинародных режимов. Там, в благословенной Швейцарии, осели миллиарды эфиопского Хайле Селассие, свыше 500 миллионов долларов бывшего доминиканского диктатора Трухильо, сотни миллионов долларов бывших южновьетнамских марионеток. В этих банках и поныне тайно хранятся богатства бывших правителей и главарей третьего, гитлеровского рейха.

Эти деньги не лежат там мертвым грузом — швейцарские банкиры пускают их в оборот и делают на них новые миллиарды. Даже в периоды кризисов, когда шатаются и трещат по всем швам валютные системы капиталистического мира, когда в одну ночь лопаются, как мыльные пузыри, фирмы и концерны, когда бешеными скачками галопирует инфляция, когда десятки миллионов рядовых людей не могут обрести работу, — даже в это время швей-

царские банки отхватывают такие прибыли, какие не всегда выпадают на долю крупнейших промышленных акул. Подумать только: «самые уважаемые» банки делают гигантский бизнес на самых кровавых деньгах, добытых в мире чистогана. Ни один швейцарский «гном», как, впрочем, и любой другой банкир капиталистического мира, не гнушается деньгами, какого бы происхождения они ни были — пусть самого грязного, самого кровавого: ведь, по замечанию римского императора Веспасиана, деньги не пахнут.

В капиталистическом мире уже давно происходит процесс слияния преступного мира с банковским и промышленным капиталом. «Уолл-стрит джорнел» однажды поразил рядовых американцев сообщением о том, что значительная часть средств поступает в экономику США не только «из банков, акционерных обществ и страховых компаний, но и из гангстерского мира». Начальник уголовной полиции Детройта конкретизировал это утверждение, заявив, что 98 предприятий этого крупнейшего центра автомобильной промышленности Соединенных Штатов управляются гангстерами. В целом же по США гангстерские организации участвуют своими капиталами в деятельности 5000 промышленных и финансовых корпораций. Доходы американских гангстеров, по осторожным подсчетам экономистов, определяются в 50 миллиардов долларов ежегодно — это около пяти (!) процентов валового национального дохода страны. Всемирно известная компания «Дженерал моторс» в смысле доходов и прибылей — карлик в сравнении с синдикатом гангстеров.

Черная мораль узаконенного преступления является нормой в мире Желтого Дьявола.

...Почти половина нашего повествования посвящена грязным финансовым махинациям в среде крупного монополистического капитала и в верхних сферах государственного аппарата капиталистического мира. Картина коррупции в буржуазном обществе будет неполной, если упустить из виду процессы, происходящие в охранно-карательном аппа-

рате промышленно развитых капиталистических стран, который призван стоять на страже классовых интересов монополий и власть имущих и который живет по тем же волчьим законам. Заглянем же за кулисы того «театра», где главную роль играют юстиция и полиция.

Стражи порядка на страже... преступности

Сколько стоит молчание полицейского?

Вильям Филипс сидел перед телевизором. Обывателей, наверное, уже всюю трясла лихорадка любопытства и ужаса — на экране раскручивалась очередная кровавая документальная сенсация: телевидение отбивало хлеб у газет, заполняя голубые экраны репортажами о кошмарных подробностях с места преступления — из города Хьюстона с техасского побережья Соединенных Штатов Америки. Вот перед телекамерами разглагольствует семнадцатилетний Вейн Хенли, почему-то обнаженный до пояса. Репортеры чуть ли не в рот засовывали ему микрофоны, записывая подробный рассказ о том, как вместе со своим приятелем Дэвидом Бруком он заманивал на квартиру их «старшего друга», 34-летнего Дина Корла, парней и девочек. Корл платил Хенли и Бруку с «приведенного носа» от пяти до двухсот долларов, в зависимости от «качества товара», который в доме Корла спивали, пичкали наркотиками и «употребляли» в диких оргиях: парней — как гомосексуальные объекты, девиц насиловали и даже пытали, для развлечения. А потом всех убивали. И закапывали почти в одном и том же месте, предварительно раскромсав трупы и расовав останки по пакетам с негашеной известью. И вот сейчас рядом с Хенли двенадцать арестантов, взятых напрокат в местной тexasской тюрьме, раскапывали лопатами одну из страшных ям, извлекая оттуда пакеты с ногами, руками, головами...

Филипс брезгливо поморщился: ну, чем они думают там, в Техасе? К чему эти арестанты напрокат — неужели нельзя было обойтись солдатами? Больше всего Филипса раздражали репортеры: проникают всюду и все вынюхивают. Вот и этот надрывается на экране: «750 тысяч американцев убиты в Штатах в XX веке — они стали жертвами

уголовного мира. Это больше, чем США потеряли на полях сражений за всю свою историю. 177 500, или 23,7 процента, убийств остались нераскрытыми...»

Филипс злорадно усмехнулся: не все-то ты знаешь, мальчик. Оперировать старыми данными, из «Ньюсуик» 1967 года. Уже доходит до 900 тысяч. Вообще-то, конечно, цифры страшные, лихо живем... Филипс вспомнил доклад комиссии по борьбе с организованной преступностью. В нем приводились такие данные: преступность в Соединенных Штатах растет в одиннадцать раз быстрее прироста населения; из пяти преступлений разного рода четыре остаются нераскрытыми. Но эти промелькнувшие в голове сведения не примирили Филипса с телерепортером. Он протянул руку, хотел было выключить телевизор, но в этот момент с экрана заговорил отец двух последних жертв, братьев Черри, 13 и 15 лет, живших по соседству со страшным домом Корла. «Они пошли вечером к приятелю,— с трудом рассказывал мужчина.— И не вернулись. Исчезли, как в воду канули. Восемь месяцев я обивал пороги полицейского участка, умоляя помочь найти детей. В конце концов полисмены стали выбрасывать меня вон, как помешанного. И вот я нашел их...» Микрофон передали плачущей женщине, матери одной из погибших девушек: «Сколько раз я обращалась в полицию, и все напрасно,— она не могла сдерживать душивших ее рыданий.— Как же... так? Двадцать семь... парней и девочек... исчезли у всех на глазах... А полиция... хоть бы пальцем о палец ударила...»

Филипс в раздражении выключил-таки телевизор. На душе было муторно,— но не от этого репортажа. «Полиция не нашла! — разозлился он.— Полиция не сумела! Много вы знаете о полиции... Узнали бы — вот тогда бы завыли по-настоящему». Сам Филипс кое-что знал: столько проработал там. А в каких делах участвовал! Что же дальше? Неужели конец?.. Память вернула его в далекие времена, в Нью-Йорк, куда судьба забросила его, молодого, на работу в полицейский участок № 6 «самого кри-

минального города мира». Он вспомнил свое первое дело. Задание было — арестовать владельца подпольного борделя. С напарником, оба в штатском, на оперативной машине они подъехали как можно ближе к притону и остановились на углу 120-й улицы. Пошли быстрым шагом. И вдруг слева услышали визг: «Девки! Сматывайтесь! Полиция!..» Из дверей борделя выскочило с десятков проституток, кинувшихся в разные стороны. Филипса и его коллегу встретил в дверях улыбающийся хозяин «комплексного заведения» — притона и игорного дома — Эгги. «Новенькие? — непринужденно обратился он к ним. — Ну, будем знакомы...» Провел их в заднюю комнату, к стойке: «Эй, кто там есть? Виски — три двойных!» Молча выпили. «Ну что же, ребята, — продолжал, улыбаясь, Эгги. — Всегда будете желанными гостями». Филипс возмущенно фыркнул. Эгги, казалось, не обратил на него никакого внимания — он понял, что старшим из двоих является напарник Филипса. «А что, — сказал он с той же безмятежной ухмылкой, — «птички» зря удрали, перепугались... Ваши предшественники из 6-го участка получали с меня ежедневно по двадцать долларов. В среднем, конечно: не каждый же день за ними приходиться. Умножьте-ка двадцать на тридцать, а потом еще на двенадцать — не так уж плохо, а? Мы по-дружески заботились друг о друге. По рукам?..»

Филипс, тогда еще совсем новичок, слышал, правда, что полицейские берут взятки, но своими глазами еще не видел. И вот сейчас предложение сделано ему лично. В первый момент он испугался. А Эгги уже вытащил деньги, так сказать, аванс. Протянул полисменам. Первым взял наставник Филипса. Это было начало, оказавшееся для Филипса многообещающим... Через пару недель Филипс с напарником арестовали в одном баре парня, устроившего поножовщину. Для бандюги дело пахло тюрьмой. К Филипсу явился посланец и прямо спросил: «Сколько?» Ответил напарник, наставник Филипса: «Пять тысяч». Но посланец был тертый малый, торговался умело. Сошлись на трех тысячах долларов.

Расчет был произведен тут же, протокол допроса сожгли на глазах посланца. Тот ушел. Две тысячи Филипс с напарником взяли себе, тысячу отдали начальнику участка. Тот сказал только два слова: «Добро, мальчишки...»

И у Филипса началась новая удивительная жизнь. Он быстро вошел во вкус, обнаружил немалые организаторские способности, развернулся. Оказывается, он мог многое, что недоступно среднему американцу, не носящему форму полицейского. В руки Филипса потекли тысячи долларов, он обрел респектабельность и уверенность, делавшую его хозяином в любой ситуации. Владельцам подпольных значных мест он стал сам назначать размер взяток за свое молчание. Его требования выполнялись беспрекословно. Так прошло много лет. И вдруг однажды Филипс столкнулся с из ряда вон выходящим: хозяин притона под названием «Кларк», новичок, заартачился — затребованный Филипсом куш показался ему, видите ли, великоватым. Филипс рассвирепел: такого еще не бывало. Он до мельчайших подробностей помнил эту встречу: как он «обломал» строптивного, как получил пачку банкнот, как потом сидел за рулем своего шикарного спортивного автомобиля, еще не подозревая, что не домой едет, а летит в тартарары. Через несколько дней его пригласили в высокое официальное учреждение, и там на экране он увидел и услышал всю свою встречу со «строптивцем»: «хозяином» притона оказался агент группы, созданной для расследования коррупции в полиции. Земля разверзлась под ногами Филипса: его арестовали тут же, в зале.

Но... в тюрьму Филипс тогда не попал-таки: если раньше он брал взятки за молчание, то теперь его спасение было в полнейшем откровении. И Филипс стал «звездой» сенсации, потрясшей не только Нью-Йорк, но и всю Америку,— сенсации по разоблачению грязнейших дел американской полиции. Трое суток в маленьком зале, перед микрофонами и телекамерами, он рассказывал о том, что сумел узнать за 14 лет работы в нью-йоркской полиции.

А знал он многое. Он прослужил почти во всех шестнадцати дивизионах полиции Нью-Йорка, побывал во многих закоулках восьмимиллионного города, познакомился или просто имел дело с очень многими из десятков тысяч нью-йоркских полицейских. Особенно близко знал он так называемых «бугманов» и сам был таковым. Бугман — это должность в полицейском участке, не предусмотренная штатным расписанием и законом, должность подпольная. Это — кассир организовано получаемых полицейскими взяток. По списку, в котором значатся «обслуживаемые» полицией и «охраняемые» ею от американских законов значные места, бугман ежемесячно, в определенные дни, объезжает притоны и бордели и получает от их хозяев «куши за молчание». От полутора до пяти тысяч долларов. «Приварок», превышающий в несколько раз государственную зарплату. Если же взять в масштабе всей страны, то, как установила комиссия по борьбе с организованной преступностью, «...9 миллиардов долларов выплачиваются гангстерами в виде взяток сенаторам, министрам, мэрам, профсоюзным лидерам. Только на подкуп американской полиции гангстерские и другие преступные организации тратят в год 4 с половиной миллиарда долларов — больше, чем правительство Соединенных Штатов выплачивает всем полицейским страны». Причем следует учесть, что эта сумма состоит из известных, раскрытых коррупционных финансовых сделок полиции с преступным миром. А сколько таких дел не раскрыто, сколько их еще вершится в глубокой тайне. Очевидно, в реальности названные суммы во много раз больше...

«Дело Филипса» было задумано как локальное — из тех, которые порой подбрасываются американской общественности, взбудораженной какой-либо очередной серией крупных преступлений, и сообщения о которых публикуются в «свободной» американской печати для успокоения умов, для того чтобы создать впечатление о результативной борьбе против продажности стражей порядка. Но неожиданно это дело приобрело некальку-

лируемый размах: слишком потрясающе были показаны Филипса. Когда ему задали вопрос — насколько развита коррупция в нью-йоркской полиции, он ответил: «Коррупцией поражен весь полицейский аппарат. Тех немногих, кто отказывается участвовать в организованном получении взяток, подвергают остракизму — им не доверяют». От таких полицейских быстро освобождаются, выбрасывая их с работы под каким-нибудь действительным или выдуманым предлогом: круговая порука коррупции должна охватывать всех поголовно, как гарантия, что никто не пикнет, не проболтается. Те, кого убирали, потом с великим трудом находили себе работу — они вносились в негласные списки «неблагонадежных». Филипс поведал и о том, как за солидную мзду от уголовников в полицейских участках уничтожаются протоколы допросов и свидетельские показания, как ликвидируются уже вынесенные постановления об арестах. Он рассказал и о «шкале взяток» в полиции: чем крупнее должность, тем солиднее куш. Не утаил он и преступные махинации нью-йоркской полиции, зарабатывающей колоссальные деньги не только на взятках с торговцев наркотиками, но и участвующей в гешефте на «белой смерти». 9 марта 1974 года газеты сообщили об аресте одиннадцати нью-йоркских полицейских из отряда по борьбе с наркоманией. Выследив одну из подпольных групп торговцев наркотиками, эти «стражи порядка», во-первых, взяли с них огромную сумму «отступных» за то, что дело не будет передано в суд. А реквизированную партию наркотиков полицейские реализовали сами на «черном рынке», отхватив за нее куш в 380 тысяч долларов и разделив его между собой. Когда историю копнули поглубже, то установили, что эти одиннадцать полицейских с декабря 1969 года вели широкую торговлю наркотиками в Нью-Йорке — теми самими, которые они отбирали у пойманных спекулянтов. Точную сумму «прибыли» установить не удалось, но предположительно она исчислялась семизначными цифрами. Кстати, один из подобных фактов привел и Вильям Фи-

липс, рассказав, как его коллеги сначала реквизи- ровали огромную партию наркотиков на сумму около 18 миллионов долларов, а потом сами же украли ее из тщательно охранявшегося полицей- ского склада, положив взамен мешки с пудрой. Подробности «дела» установить не удалось, пото- му что полицейский, руководивший этой «опера- цией», Йозеф Нунциатта своевременно покончил с собой. Или, что точнее, был прирезан своими же коллегами в темно-синей форме полиции Нью- Йорка. Как сообщал журнал «Тайм», еще несколько лет назад в одном лишь Нью-Йорке насчитывалось более 300 тысяч наркоманов. В 1975 году оборот подпольной торговли наркотиками перевалил за 3 миллиарда долларов. Сколько из них осели в кар- манах полицейских?

Почему же полицейский Филипс так разгово- рился? Его обещали выпустить «сухим из воды», обещали роль «только свидетеля». Но этот расчет не оправдался: громадный маховик полицейской машины, отдельные тайные пружины которого бы- ли приоткрыты одним из выпавших из нее «винти- ков», раздавил Филипса. Чтобы дезавуировать его показания, полицейский мир выдвинул против Фи- липса сфабрикованные обвинения в убийстве про- ститутки и сутенера. И Филипс из «свидетеля» пре- вратился в главного обвиняемого на судебном процессе об убийстве, хотя все знали, что этот про- цесс организован на подтасовке фактов: Филипс был закоренелым взяточником, но убийства он не совершал. Но ему не простили разоблачений и на- мертво выбросили из игры.

Тем не менее показания Филипса стали толчком для цепной реакции дальнейших разоблачений. Ко- миссия во главе с известным юристом Уитменом Кнаппом на основании многочисленных попавших в ее руки документальных материалов установила, что с 1971 года (более давними материалами ко- миссия не располагала) коррупция в американской полиции стала «широчайшим явлением, поразив- шим весь полицейский аппарат». Комиссия выясни- ла, в частности, что крупнейший гангстерский син-

дикат «Коза ностра» при помощи состоявших на его содержании полицейских чинов сумел создать на местах свои новые ячейки. И наконец, принципиальный вывод комиссии: «Главная проблема заключается в общей атмосфере в полиции, которая всеми силами сопротивляется попыткам раскрыть коррупцию в ее рядах и всячески покрывает ее».

Комиссия Кнаппа имела более чем достаточно оснований для таких выводов не только в отношении полиции Нью-Йорка, но и по всей американской полицейской службе. Новый тогда начальник полицейского департамента Нью-Йорка Патрик Морфи вынужден был привлечь к ответственности более пятисот чинов нью-йоркской полиции, которых неопровержимо уличили в связях с преступным миром, в получении взяток от гангстеров и других уголовных элементов. Но, увы, даже эта скромненькая по сравнению с размахом коррупции в полиции мера, явно вынужденная, просто «выдавленная» из властей обстоятельствами, не дала никаких результатов даже в отношении этих пятисот человек. Более того, намертво схваченная цементом коррупции американская полиция немедленно ответила мощными контрударами на попытки разоблачений. Эдвард Кирман, один из влиятельных тузов нью-йоркской полицейской системы, публично обвинил Патрика Морфи в намерении «разрушить лучшую полицейскую армию мира». Президент благотворительного общества при полиции Нью-Йорка диффамировал председателя комиссии Уитмена Кнаппа как «вралю», а 281-страничный отчет комиссии — «как сказку для дурачков, высосанную из винных бокалов с проститутками в борделях и распространяемую жуликами и кретинами». Логическую точку в этом контрнаступлении поставил один полицейский чин из нью-йоркской полиции заявивший, что американская полиция — это «клуб, который живет по своим законам. Так было всегда, и тем сильна наша система. Тот, кто пытается ее поколебать, останется в одиночестве перед сплоченной мощью этого клуба».

На этом, в общем-то, все и закончилось: гора не родила даже мышь. Не были сорваны и немногие ядовитые цветы коррупции в американской полиции, не говоря уже о корнях ее. Единственное, что смогла предложить комиссия Кнаппа, — учредить специальное бюро по надзору за лицами, работающими в полиции, суде, прокуратуре.

А что, собственно, можно было ожидать от комиссии, даже если субъективно она исходила из благих намерений борьбы с коррупцией в аппарате охраны порядка? Ведь продажность полицейского корпуса — это лишь частное выражение загнивания буржуазного общества в период империализма, которое включает в себя и разрушение самой буржуазной законности, неизбежность отказа буржуазии «от ею же созданной и для нее ставшей невыносимую законности» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 16). Комиссия Кнаппа не смогла подняться даже до вывода известного американского буржуазного социолога Роберта Мертон, который на основе многолетних исследований вынужден был констатировать, что в структуре современного империалистического государства, в частности в Соединенных Штатах Америки, происходит сплошная ликвидация правовых и моральных канонов даже куцей буржуазной демократии.

Широкий размах коррупции в американской полиции является, наряду со многими социальными и экономическими причинами, одним из важных факторов, определяющих постоянный рост преступности в Соединенных Штатах Америки. Только в 1977 году там было убито уголовниками более 19 тысяч человек. За пять лет количество преступлений в США выросло на 25 процентов.

Один из ярких западногерманских антикоммунистов, профессор Клаус Менерт побывал не так давно в США, где читал курс лекций в Колумбийском университете, пытаясь доказать в них студентам «жизнеспособность и превосходство» капиталистического Запада над «социалистическим Востоком». Вскоре после приезда в США он был до глубины души потрясен тем, что днем на глазах у

сотен людей и многочисленных полицейских на одной из центральных улиц Нью-Йорка был зарезан бандитами его друг, профессор того же Колумбийского университета Вольфганг Фридман. Это убийство так угнетающе подействовало на Клауса Менерта, что заставило внимательнее присмотреться к прославляемому им американскому образу жизни. Результаты своего изучения он опубликовал в западногерманской газете «Крист унд вельт».

Нет, К. Менерт не призывал к коренному изменению господствующего в Америке общественного строя — на то он и апологет капитализма. Но главный его вывод от близкого знакомства с американской действительностью чрезвычайно показателен и заслуживает воспроизведения по-русски: «Болезни сегодняшней американской реальности — это завтрашние болезни Европы. Мы обязаны срочно выработать свой, западноевропейский иммунитет против американской заразы. И времени у нас — в обрез, как у человека, которому уже накинули петлю на шею и поставили под виселицу». Можно принять вынужденное, но довольно четко выраженное К. Менертом определение морального распада американского образа жизни. И одновременно необходимо поставить вопросы: разве духовная и моральная деградация капитализма в Западной Европе — это завтрашняя болезнь? Как обстоит дело с «моральным здоровьем» в той же Федеративной Республике Германии? Во Франции? В Великобритании? В Италии? И, в частности, в охранно-карательном аппарате этих стран?

Дела-истории на берегах Темзы, «Крыса из Сохо» и другие

В то самое время, когда профессор Клаус Менерт, переживая неожиданное и жестокое разочарование пронизанным преступностью американским обществом, писал свое заклинание о создании западноевропейского иммунитета против этой американской болезни, два респектабельных лондон-

ских джентльмена, Кеннет Дрири и Кеннет Этеридж, наслаждались очередным отпуском на Средиземноморье, на лазурных берегах Кипра. Они прибыли туда по приглашению двух своих близких друзей и проводили отпуск на их виллах и на полном довольствии хозяев. Оба отдохнувших принадлежали к высокому обществу и привыкли к комфорту, коим гостеприимные хозяева окружили их и на Кипре. Вообще-то кому какое дело, кто, с кем и где проводит отпуск? Однако вскоре с Кипра в Лондон полетела шифровка, текст которой потряс Скотланд-ярд мощнее, чем любая бомба террориста. Шифровка гласила, что мистер Коннет Дрири, шеф отборного оперативного отряда Скотланд-ярда, отдыхает от служебных дел на вилле владельца подпольного притона в Сохо, центре лондонской преступности и проституции. И что мистер Этеридж, заместитель начальника отдела Скотланд-ярда по борьбе с воровством и мошенничеством, расположился по соседству, на вилле известного уголовника, в компании с сутенером, торгующим проститутками в столице Великобритании. Высокие чины бастиона английской полиции на содержании у сутенеров и уголовников — веселенькое дельце! В разгоревшемся скандале Дрири и Этеридж оказались не единственными героями: в грязных связях с уголовным миром были замешаны заместитель Дрири и еще два чина из оперативного отряда.

Детали этого дела погребены в тайниках нового здания Скотланд-ярда, которое ему предоставили немногим более десяти лет назад. Но тлетворный запах коррупции неумолимо просачивался из застекленной бетонной цитадели охраны порядка. После скандала с Дрири и Этериджем попали на скамью подсудимых еще семь крупных чинов Скотланд-ярда — за взятки, вымогательство, за уничтожение обвинительных документов против преступников, выплативших «отступные». На процессе прокурор бросил прогоревшим стражам демократии: «Вы топтали закон, вместо того, чтобы его защищать».

Общественность Великобритании была не только

растеряна, шокирована, но и возмущена: не слишком ли много грязных дел оказалось на счету Скотланд-ярда? Ведь англичане еще не пришли в себя от шока предыдущих разоблачений, ну хотя бы от истории с главным инспектором Фрэнком Вильямсоном. Нет, сам Вильямсон не попал ни под суд, ни даже под подозрение. Наоборот, он получил от тогдашнего министра внутренних дел Джеймса Каллагэна (позднее — премьер-министра Великобритании) задание «копнуть» поглубже Скотланд-ярд в связи с многочисленными сообщениями о процветавшем там взяточничестве. Мистер Вильямсон, старый волк в угрозыске Англии, ретиво взялся за дело. А оно оказалось на редкость трудным: шеф-инспектор столкнулся не только с широко развитой коррупцией, но и с прочной стеной молчания, окружавшей ее, и даже с прямым противодействием. Однако, используя весь свой опыт и энергию, он сумел все же пробить некоторые бреши в этой стене, вскрыть взяточничество ряда сотрудников и их преступные связи с подпольной торговлей наркотиками. Кое-кого пришлось отдать под суд. Но сам Вильямсон потерял сон и покой: в Скотланд-ярде ему прозрачно намекнули, что если он не остановится в своем усердии и полезет глубже в дела полиции, то он может потерять не только здоровье, но и кое-что посущественнее. Вильямсон не назвал имена тех, кто ему угрожал, но выводы сделал незамедлительно, ибо слишком хорошо знал приемы Скотланд-ярда, использовавшиеся для ликвидации «опасности» престижу этой организации. Буквально за несколько месяцев до истории с Дрири и Этериджем мистер Вильямсон положил на стол начальника Скотланд-ярда заявление об отставке. Это взбудоражило Лондон, потому что Фрэнк Вильямсон был известен как редкое явление в полиции — как человек честный. Он не взял свое заявление обратно — здоровье и жизнь он предпочел посмертной славе ассенизатора авгиевых конюшен Скотланд-ярда.

О том, какое глубокое и страшное болото коррупции обнаружил в Скотланд-ярде Фрэнк Вильям-

гон, можно судить по мерам, принятым даже по его незаконченным расследованиям: в Скотланд-ярде был учрежден надзор за всеми работающими там 22 тысячами полицейских. В системе этого надзора заняты три с половиной тысячи человек. И 700 «надзирателей» негласно наблюдают за деятельностью сыщиков, не носящих форму, а работающих в штатских костюмах. Иными словами, весь аппарат Скотланд-ярда полностью вышел из доверия.

Еще более памятный коррупционный скандал, который долго не забудут англичане, связан с бывшим начальником Скотланд-ярда, бывшим министром внутренних дел Великобритании Реджинальдом Модлингом. Занимая высочайшие посты в системе охраны законности в Великобритании, он параллельно с решением государственных вопросов прокручивал вместе с группой английских и американских дельцов крупные финансовые махинации. Причем не только собственной персоной, но и при помощи остальных членов семьи — жены и четверых отпрысков. Он облапошивал рядовых вкладчиков в девяти фирмах, в руководстве которых состоял, устраивая со своими коллегами по барышам искусственные банкротства и наживая на этом десятки тысяч фунтов стерлингов. И этого деятеля несведущие люди называли «либеральной совестью правительства консерваторов». В разгар всплывшей аферы Модлинга в самом Скотланд-ярде загорелся новый пожар очередного скандала. Один из подчиненных Модлинга, инспектор Рональд Хэлис, попался на спекуляции наркотиками. При обыске у него дома обнаружили партии гашиша, опиума, морфия и ЛСД. А ведь Хэлис считался образцовым сотрудником Скотланд-ярда, где он прослужил 22 года. Уравновешенные и невозмутимые англичане были особенно озадачены даже не самим Хэлисом — такие дела уже давно не в диковинку на земле Альбиона, а тем, что вместе с ним попался полицейский комиссар Кэннон Рей, который и сам принимал наркотики: ведь как-никак ему по должности было доверено охранять безопас-

ность британского парламента и даже Букингемского дворца — резиденции королевской семьи. Вот уж поистине, боже, храни королеву...

К 1979 году в Скотланд-ярде начали готовиться давно: печатались списки его сотрудников для представления к наградам, составлялись тексты торжественных речей, шились новые парадные костюмы. Средства информации выделяли специальных репортеров для панегириков «лучшей и честнейшей полицейской армии мира», как стараются в Великобритании представить цитадель охраны британского внутреннего порядка. Скотланд-ярд готовился пышно и помпезно отметить свое стопятидесятилетие. Однако вместо «ура» пришлось кричать «караул». Наступило 6 апреля 1979 года — «черная пятница» Скотланд-ярда: в этот день недавно назначенный начальником его сэра Дэвид Макни, которого в уголовном мире прозвали «Молоток», вынужден был издать приказ об отстранении от должности 66 сотрудников, попавшихся с личным на взятках, вымогательствах, подкупе и других коррупционных делах. Среди них немало высокопоставленных полицейских чинов, например из отдела по борьбе с наиболее тяжелыми и опасными преступлениями. Англичанам было от чего схватиться за голову: такого скандала в Скотланд-ярде не помнят давно. Осведомленные лица сообщили прессе, что расследование уголовных дел стражей порядка предполагается вести года полтора — таков размах этой аферы. Как стало известно, многие из привлеченных к ответственности занимались грязными, преступными делами по 14 и более лет.

Лавина разоблачений началась с судьбы двух англичан, которые были обвинены Скотланд-ярдом в ограблении банка, отданы под суд и просидели за решеткой в тюрьме Брикстон полтора года. Друзья не оставили их в беде, потому что эти лица тяжко пострадали, будучи абсолютно невиновными. Скотланд-ярд использовал старый прием империалистической охранно-карательной службы: для того чтобы успокоить общественность, возмущенную неспособностью Скотланд-ярда раскрыть многие

серьезные преступления, полицейская служба схватила людей, не имевших никакого отношения к ограблению, сфабриковала против них «улики» и построила на них обвинение. Полтора года длилась борьба за судьбу невиновных. В конце концов их вынуждены были освободить и полностью реабилитировать. И вот тогда пострадавшие выдвинули публичное обвинение против Скотланд-ярда — в фабрикации фальшивых обвинений, в нарушении прав человека, в преступлении против закона и нравственности. И скандал покатился, как снежный ком, разрастаясь с каждым днем. Не исключено, что в ходе расследований против 66 сотрудников Скотланд-ярда всплывут новые имена полицейских, замешанных в коррупции, новые обескураживающие и, возможно, сенсационные события.

В ореоле вот таких-то знаменательных с точки зрения морали историй Скотланд-ярд встретил в 1979 году свое стопятидесятилетие. Правда, у сотрудников Скотланд-ярда есть серьезные аргументы для оправдания своей аморальности и продажности. Любой из них может сказать: ну, что вы хотите от нас, средних англичан, взгляните-ка на моральный облик представителей высшего общества, так сказать, законодателей нашей нравственности. Вспомните недавнюю скандальную историю бывшего министра обороны: Профьюмо, или лорда Лэмбтона, или лорда Джеллико, преступивших всякие нормы нравственности и вынужденных в связи с этим покинуть свои посты в правительстве Великобритании. А вот одна из историй, всплывшая в конце лета 1978 года: бывший председатель либеральной партии страны Джереми Торп нанял платного убийцу, чтобы отправить в потусторонний мир своего партнера по гомосексуализму, когда тот начал шантажировать Торпа. Бывший казначей либеральной партии, друг-приятель Торпа, стремился выручить своего шефа из беды, предложив шантажисту две с половиной тысячи фунтов стерлингов в обмен на компрометирующую председателя переписку.

Сколько таких скандалов в высшем обществе

помнят в Англии и сколько их еще остается в тайне, нераскрытых. Ну, какой же смысл, действительно, искать мораль в Скотланд-ярде? Нравы полиции не формируются изолированно — они являются отражением, сколком нравственных норм общества в целом. И разумеется, не на одних лишь британских островах. Заглянем, например, в Федеративную Республику Германии.

...Настоящая фамилия его — Ваке. Кличка — «Фредди, крыса из Сохо», хотя он никакого отношения не имел к Сохо, этой цитадели лондонской проституции. «Крыса Фредди» обитал в западногерманском городе Маннгейме. Фредди не служил в полиции, не занимал никаких официальных постов, не владел фирмой или концерном. И тем не менее сколотил приличное состояние. Никто не знал его размеров, но судить о нем можно хотя бы по тому, что, например, своему парикмахеру, к которому Фредди обращался раз в месяц для наведения лоска, он платил наличными по две тысячи марок, то есть две месячных зарплаты рабочего средней квалификации. Фредди любит деньги, но не дрожит над ними, ибо больше всего он любит женщин, особенно тех, кого в ФРГ, с легкой руки знаменитого писателя Эриха Мариа Ремарка, называют «трупными курочками». Нет такого подпольного борделя в Маннгейме, которые носят безобидное название «салоны массажа», коего не посетил бы многократно Фредди.

На развлекательные сеансы он никогда не ездил один, потому что Фредди очень общительный человек и у него масса друзей, прежде всего в маннгеймской полиции. Это его закадычные приятели, с которыми он общался ежедневно и чаще еженightly, обычно в «салонах». Причем платил за всех и за все всегда только сам — своим друзьям-полицейским он не разрешал тратить на «трупных курочек» марки, зарабатываемые ими на трудной службе по борьбе с преступностью.

Дело даже не в том, что полицейские сопровождали Фредди по борделям, это, так сказать, «мелочи жизни». Дело в том, что Фредди не случайно но-

сит свою кличку — он главарь банды опасных преступников-рецидивистов. И Маннгейм он не соби­рался покидать отнюдь не из-за особого гостепри­имства его жителей, а просто потому, что не имел для этого элементарной физической возможности: Фредди — не вольный казак, а арестант, осужден­ный за бандитизм на многие годы и отбывавший срок в маннгеймской тюрьме. Да, именно таким образом — разъезжая по притонам и ресторанам, пивным и парикмахерским. Особые условия созда­ны ему маннгеймскими стражами порядка за гро­мадные взятки в десятки тысяч марок. Он подку­пил и «друзей» из полиции, и надзирателей, и да­же начальство тюрьмы, которое за солидную «прибавку» к зарплате разрешило Фредди вести жизнь на зависть всем преступникам в Маннгейме и других городах ФРГ. Ведь мало того что он на­ходится на государственном коште, его еще и охра­няют государственные служащие, то бишь полицей­ские и надзиратели.

Впрочем, Фредди не один такой. Однажды в соседней камере появился еще один столь же уди­вительный арестант — коммерсант по имени Дитер Хесс, владелец фирмы с годовым оборотом в два с половиной миллиона марок. Он попал за решет­ку, во-первых, за незаконные финансовые махина­ции и, во-вторых, за подкуп полицейских. Был пой­ман с поличным, когда передавал своим «клиентам» в полицейской форме единовременную взятку в размере двадцати тысяч марок, — телевизионная скрытая камера так и запечатлела его крупное, об­рамленное бакенбардами и бородкой лицо и, глав­ное, руки, пересчитывающие банкноты, прежде чем вручить их.

Два упомянутых факта из Маннгейма — отнюдь не что-либо из ряда вон выходящее в «деятельно­сти» западногерманской полиции и карательного аппарата в целом. В другом крупном городе ФРГ, Штуттгарте, точно такую же развеселую жизнь вел, «сидя» в тюрьме, другой главарь бандитов — Хар­ди Герке. У него тоже было полно «друзей-поли­цейских», в частности комиссар штуттгартской по-

лиции Вайперт, с которым он особенно любил разъезжать по борделям и кабакам, потому что Вайперт, средних лет мужчина, очень жизнерадостный и компанейский. Разумеется, Харди Герке с особым удовольствием тратил в этих случаях деньги, выдавая комиссару, во-первых, наличными каждый раз взятку и, во-вторых, полностью оплачивая все поездски и связанные с ними удовольствия. Причем, чтобы им двоим — Герке и Вайперту — было спокойнее, комиссар брал с собой еще двух своих агентов, не только «охранявших» преступника и его высокого друга, но и участвовавших в этих оргиях.

Неизвестно, знают ли «крыса Фредди» и Харди Герке лично полицмейстера Гуго Альффке, но они наверняка слыхали о нем. Кто же в Федеративной Республике Германии не знает Гуго Альффке? Его история не имеет никакого отношения к продажным стражам порядка из Маннгейма и Штуттгарта, к дружбе полицейских с бандитами, первые из которых были на полном содержании у вторых. Ревностной беспорочной службой Гуго Альффке завоевал столь глубокое доверие и уважение начальства, что ему доверили охранять в родном Гамбурге полицей-президиум. Пышно был отпразднован и 25-летний юбилей трудовой деятельности Альффке. Его любили — он был общителен, хлебосолен, не скопидомничал. Жизнь его катилась по отлично проложенным рельсам, он имел все основания быть ею довольным. Особые, непередаваемые словами чувства он испытывал, часто рассматривая почетную грамоту «За верную службу», которую он держал, как положено, в рамке под стеклом. И вспоминал торжественную церемонию ее вручения и поздравления коллег по работе. Подвело полицмейстера Гуго Альффке его «хобби»: в свободное от работы время он, сняв форму стража порядка... грабил банки. Да, в самом прямом смысле этого слова. И занимался Альффке этим прибыльным делом ровно 14 лет, то есть более половины своего трудового стажа. Началось все с того времени, когда ему было поручено охранять ювелирный магазин на одной из окраин Гамбурга. Отработав

тщательно все детали плана, он совершает ограбление магазина и вскоре покупает себе отличный автомобиль. Но вдруг возникают непредвиденные осложнения: жена случайно обнаруживает в платяном шкафу восемь штук золотых часов. Альффке отделяется от ее тревожных расспросов словами: «Я их нашел на улице — они лежали в портмоне, кто-то, очевидно, потерял». Но жена, сопоставив неожиданную покупку автомобиля с некоторыми другими расходами, которые дотопе были им не по карману, пытается добиться правды и выкладывает все свои подозрения. И тогда Альффке, загнав ее в угол комнаты, шипит ей в лицо: «Я тебя придушу, если ты пикнешь...» Женщина, охваченная ужасом, сломлена, и отныне жизнь ее превращается в сплошной страшный сон наяву. Альффке продолжает и расширяет масштабы своей внеслужебной грабительской активности. Следуют два новых ограбления ювелирных магазинов. Но добыча доставляет массу неудобств и хлопот: ведь необходимо сбывать награбленный товар, то есть войти в контакт с перекупщиками краденого, а это опасно. После размышлений Альффке прекращает набеги на ювелирные магазины и переключается на финансовые учреждения, на добычу наличных денег. Он уже успел обзавестись вторым пистолетом, который украл у одного из сослуживцев. Альффке вооружен не только в прямом смысле слова: работая на охране банков и сберкасс, он детально изучил все сигнализационные устройства и систему замков и запоров. Альффке осведомлен и об указаниях, которые даны банковским служащим: не оказывать сопротивления в случае налета грабителей.

И вот под рождество полицмейстер впервые применяет все свои профессиональные знания в грабеже банка в Рейнбеке, в пригороде Гамбурга. За несколько минут до закрытия Альффке с пистолетом в руках и в маске из женского чулка, как Фантомас, появляется в помещении, где стоят сейфы. Служащие застыли от страха перед высокой фигурой (Альффке ростом 1 м 82 см) и перед дулом пистолета. Добыча на сей раз небольшая —

всего три тысячи марок. Пока прибыла полиция, Альффке и след простыл. Быстрая и безболезненная «операция» и малый куш разжигают у Альффке лихорадочную жажду. Следующим объектом стала касса в Аумюле, где он добыл уже 18 тысяч марок. На сей раз полиция устраивает широкую облаву, но Альффке она не страшна, ибо он прекрасно знает традиционные средства и технику преследования, применяющуюся при таких облавах. Очередная удача порождает у Альффке уверенность в себе: он уже появляется без маски, в одной кепочке. Три недели спустя он грабит окружную кассу в Биспингене. Затем еще пять ограблений. В руки ему плывут уже многие десятки тысяч марок. И вот наступает очередной понедельник — выходной Гуго Альффке. На этот январский день у него запланировано нападение на дельменхортский филиал ольденбургского земельного банка. До этого он несколько раз прокатывается на своей машине в район расположения банка, изучая подходы к нему и особенности местности. В понедельник ранним утром он мчится по автостраде Гамбург — Бремен. Короткая остановка для смены номера на машине — из предосторожности. В 8 часов 20 минут утра он, как обычный посетитель, входит в помещение банка и просит кассира разменять ему тысячемарковую бумажку. Пока тот поворачивается к сейфу, чтобы достать мелкие деньги, отлично тренированный Альффке перемахивает через барьер и оказывается у открытого сейфа. В одной его руке — бельгийский пистолет, направленный на кассира, другой Альффке поспешно выхватывает пачку (там было 100 тысяч) и лихорадочно засовывает ее в карман. И тут-то происходит событие, перевернувшее всю его жизнь: 60-летний кассир, презрев опасность и распоряжение не сопротивляться налетчикам, неожиданно бьет полицейского грабителя в челюсть. Апперкот был столь силен, что Альффке выронил пистолет и упал. На помощь кассиру подбегают четверо служащих — Альффке силен, он мгновенно пришел в себя, бьет налево и направо, кусается, рычит. Но, увы, он схвачен.

Буря возмущения, разразившаяся вокруг «дела Альффке», охватила прежде всего деловые круги, сферу полиции и консервативную печать. Шпрингеровские газеты клеймят Альффке как «опаснейшего преступника послевоенных лет». Ну, как же: ведь он грабил не кого-то, а банки — бастионы финансового капитала. Вместо того, чтобы с оружием в руках охранять их.

История полицмейстера Гуго Альффке заслуживает внимания не только потому, что этот страж капиталистического порядка оказался элементарным грабителем. Она важна тем, что в ней проявились специфические черты западногерманской полиции. На процессе судья задал ему вопрос: «Как же так, ведь вы — полицейский, должны же вы иметь какой-то нравственный потенциал?» Говорят, Альффке ответил ему с ухмылкой: «А почему, собственно, только я и должен его иметь? Что я — хуже других в полиции?..» Утверждения Гуго Альффке имеют очень серьезную основу. В апреле 1978 года известный прогрессивный писатель ФРГ Бернт Энгельман, антифашист, бывший узник двух гитлеровских концлагерей — Флоссенбурга и Дахау, опираясь на факты, заявил: «ФРГ не была денацифицирована после войны... Нацисты вернулись в государственный аппарат. Речь идет, по крайней мере, о двухстах тысячах нацистов — чиновниках, судьях, полицейских». Так вот, Гуго Альффке — один из них. Бывший фанатичный нацист, фельдфебель вермахта, бесчинствовавший во время второй мировой войны под Ленинградом, а потом во Франции, он не сложил оружия до самых последних минут агонии третьего рейха. А его карьера уголовного преступника началась еще задолго до войны: в 1933 году юношей он совершил первый грабеж. Несмотря на это, чиновники гитлеровского ведомства по труду выдали ему удостоверение, в котором было сказано: «отличается честностью». После войны английские оккупационные власти подтвердили «высокие нравственные качества» нациста и рекомендовали Альффке на службу в полицию. Вот этот свой «нацистский нравственный потенциал» Альф-

фке бережно хранил и передавал молодым сотрудникам гамбургской полиции.

Неудивительно, что западногерманская полиция и юстиция, где много таких нацистских последышей, как Гуго Альфке, таких полицейских комиссаров, как Вайперт из Штуттгарта, не в состоянии бороться с растущей из года в год преступностью и коррупцией. За десять лет, с 1962 по 1972 год, коэффициент преступности в ФРГ вырос в 10 раз! За последнее десятилетие общих данных роста преступности в ФРГ еще не опубликовано. Но ежегодные сведения, поступавшие из официальных кругов, свидетельствуют о неумолимо увеличивающемся количестве преступлений, особенно тяжелых, с применением огнестрельного оружия. Но и эти данные нуждаются в уточнении. Специалист в практической криминологии Х. Хамахер из Кельна утверждает: «Официальная (опубликованная) статистика отнюдь не создает реальной картины преступности в ФРГ... Она лишь констатирует те преступления, которые становятся известными. По сравнению с действительными эти цифры очень занижены». Информированный журнал «Квик» с тревогой сообщает: «Полиция раскрывает лишь одно преступление из пяти. Наша жизнь превращается в островок среди бушующего океана преступности». Это не просто хлесткая журналистская фраза. Прирост преступности в ФРГ опережает прирост населения в 5 раз. Уже в 1976 году число преступлений, совершенных в ФРГ, перевалило за 3 миллиона.

ФРГ отнюдь не представляет собой исключения в Западной Европе. Криминологический конгресс Франции выступил в 1973 году с встревожившим общественность заявлением: «За последние семь лет общее число преступлений во Франции удвоилось: финансовые мошенничества выросли в четыре раза, число грабежей — в 13 (!) раз, других вооруженных нападений — в четыре раза, наркомания и торговля наркотиками выросли в 6 раз». Прогноз конгресса был более чем мрачен: «В течение десяти лет Франция догонит по преступности Соединенные Штаты Америки». Уже сегодня фран-

цузские газеты бьют в тревожный набат по поводу того, что Париж «превращается в Чикаго» — один из наиболее страшных по преступности городов мира.

Недавно во Франции опубликована вызвавшая колоссальный шум книга Алэна Жобера «Досье Д...». В ней на неопровержимых фактах доказывается, что во Франции происходит диффузия преступного мира и государственного аппарата. А. Жобер вскрывает тесные связи французских гангстерских организаций с высшими кругами чиновничества, с банками, крупнейшими промышленными концернами, полицией. Одним из наиболее показательных является в этом отношении «дело Месрина», которое выбрасывали в аншлаги крупнейшие парижские газеты в течение почти всего 1978 года и в 1979 году, окрестив этого человека «общественным врагом Франции № 1». С 8 мая 1978 года, когда он бежал из парижской тюрьмы Санте, известной наиболее строгим охранным режимом, буквально вся Франция, затаив дыхание, следила за этой фантастической историей.

Полиция Франции за многие месяцы сумела обнаружить всего лишь два его парика и темные противосолнечные очки, но не смогла найти самого Жака Месрина, на совести которого многие тяжкие преступления. В то самое время, когда вся французская полиция разыскивала преступника, он спокойно проживал, как говорится, у нее под боком — в Париже, на улице Шарля-Альберта, под именем месье Жерара Ленуара; каждое утро весело раскланивался с соседями, играл с ребятишками, восхищавшимися его чудесным автомобилем. И с успехом продолжал свою бандитскую деятельность. Буквально через три недели после удивительного, необъяснимого побега из тюрьмы он «посетил» казино в городке Дуавилль, где «изъял» из кассы 90 тысяч франков. На прощание он приветливо помакал рукой остолбеневшим от страха присутствовавшим и лично хозяину казино: «Я — Месрин. Или вы обо мне ничего не слыхали?..»

После этого полиция многих городов организо-

вала грандиозную облаву, арестовала многих будто бы похожих на него людей, а Месрина и след простыл. 10 ноября 1978 года Месрин, совершенно обнаглев, появился в Париже и «нанес визит» судье Шарлю Пти — тому самому, который в 1977 году приговорил Месрина к 20 годам заключения. Разумеется, он пришел к судье не на чашку кофе, а с требованием: под угрозой смерти Шарль Пти должен был «нажать» на министра юстиции Пейрефита и заставить его ликвидировать во французских тюрьмах «отделения повышенной безопасности», где содержатся наиболее опасные преступники. Но на сей раз не повезло Месрину и повезло Шарлю Пти: судьи не оказалось в это время дома. Кто-то узнал-таки Месрина и вызвал полицию. После короткой, но ожесточенной перестрелки, в которой был убит сообщник Месрина по имени Жан Лук-Кап, сам Месрин исчез, как будто провалился сквозь землю. А через несколько дней портье в здании парижского телевидения была вручена магнитофонная кассета и письмо от Месрина, в котором содержалось требование преступника: «На кассете записано мое сообщение об «отделениях повышенной безопасности». Оно должно быть передано сегодня вечером по телевидению в рубрике «Текущие события»... Стоит заметить, что стремление гангстера осчастливить широкую публику своими эпистолярными откровениями родилось не само по себе, не из особой склонности грабителя и убийцы к журналистской деятельности. Буржуазная пресса сама натолкнула его на эту идею: ведь большинство западных газет — для увеличения тиража — постоянно гоняется за сенсациями и жаждет в каждый номер, по замечанию еженедельника «Уорлд пресс ньюс», прежде всего «крови! смерти! фотографий беспрецедентных убийств». Месрин своей «практикой» длительное время поставлял парижским газетам эту «продукцию». Не случайно еженедельник «Пари матч», вместо исследования социальных причин преступности во Франции, опубликовал в июле 1978 года интервью с Месрином. Это интервью, проведенное мадам Изабел-

лой Пеллетье, было воспринято серьезными читателями как «прославление преступлений» убийцы. Более того, из гонорара, который она получила и который, как сообщает печать, составлял 200 тысяч франков, журналистка половину отдала этому преступнику: ведь он подарил ей возможность заработать громадные деньги, а газете — выдать нагору «потрясающую новость».

Тайная встреча бандита и журналистки происходила в разгар общефранцузской облавы на Месрина. Какие комментарии нужны к этому ярчайшему факту продажности буржуазной журналистики? Грабитель, убийца стал «героем дня». Да еще и заработал на этом.

«Дело Месрина» из уголовной истории превратилось в скандал с моралью печати и даже в аферу государственного масштаба. Многие задавали и задают поныне во Франции вопрос: а как, собственно, удалось Месрину удрать из тюрьмы с особой тщательной охраной, да еще окруженной стеною пятнадцатиметровой высоты? Кто участвовал в организации дерзкого побега? За год с небольшим, что провел в этой тюрьме Месрин, его 55 раз посетили 16 адвокатов — кто же помогал преступнику бежать? Позже выяснилось, что директор этой тюрьмы и судебные следователи знали о подготовлявшемся побеге и пальцем о палец не ударили, чтобы его предотвратить. Министр юстиции Пейрефит оказался в чрезвычайно затруднительном положении, когда ему пришлось давать объяснения по «случаю Месрина» в Национальном собрании Франции. И не сумел дать вразумительного ответа на вопросы-головоломки. Объяснил все — исчерпывающе ясно — в назидание всему министерству юстиции сам Месрин: «За деньги можно открыть двери в любой тюрьме»...

Однажды президент западногерманского криминологического общества д-р Мерген заявил: «В демократии, которая соблюдает плюралистическую организацию общества, существует наибольшая свобода, а следовательно, и чрезвычайно высока преступность... Можно даже сказать, что

преступность представляет собой «необходимое явление». Я уж не говорю о том, что д-р Мерген волей или неволей дал уничтожающую характеристику «плюралистического строя» с точки зрения прав человека, а хочу лишь обратить внимание читателя на его заявление: преступность, оказывается, это не зло, а «необходимое» явление в капитализме.

Кому и во имя чего «необходимо» существование преступности в капиталистическом мире?

Д-р Мерген не расшифровал свой тезис. Это сделал за него Морис Машино в статье, опубликованной в 1978 году французским журналом «Монд дипломатик». Он пишет: «Источник существенных доходов (например, проституция) для тех, кто им покровительствует и использует их, источник информации о нравах некоторых дипломатов и политических деятелей, информации, которой в случае необходимости дадут просочиться,— это преступники, выполняющие задание. Они обеспечивают, по выражению Фуко, «внезаконное функционирование власти», они дают господствующему классу возможность совершать свои противозаконные дела с минимальными издержками — экономические противозаконные дела и — нужно ли подчеркивать это? — политические противозаконные дела. Органы, организации, партии — разумеется, правые — прибегают к услугам преступников. Так, было установлено, что французская служба гражданского действия создавала значительное число своих приверженцев в преступной среде, что служба документации и контрразведки, не колеблясь, вербовала в этой среде агентов, например, для организации перевозки оружия в Израиль после эмбарго 1967 года или в Алжир для борьбы против режима Бумедьена. Известно также, что полиция использует преступников как провокаторов во время какой-либо демонстрации, что она засылает их в определенную политическую партию, поручает им срывать забастовки и так далее».

Тем самым М. Машино четко и концентрированно раскрывает сознательную интеграцию преступ-

ности в систему власти в капиталистическом мире — как одно из необходимых средств для удержания власти господствующим классом.

Несколько месяцев назад в Италии, очень богатой «коррупционными скандалами, разразился очередной, так сказать, всеитальянский. Выяснилось, что 600 контор частных сыщиков получали незаконную тайную плату за выполнение незаконных же поручений государственных учреждений по слежке за неугодными властям прогрессивными лицами и организациями. Эта слежка осуществлялась на территории всей страны — ее результаты зафиксированы не просто в тысячах страниц, а в тоннах документального материала, представляющего собой грубейшее попрание законов и прав человека. Газета «Коррьере делла сера» озаглавила свою статью об этой противозаконной акции властей словами: «Шпионская сеть опутала всю страну». Такой антидемократической, антинародной «работой» заняты государственные учреждения, в том числе и полиция, вместо того, чтобы затрачивающиеся на это громадные средства и силы направить на искоренение уголовщины и неофашистского террора в стране.

В ФРГ ведомство по охране конституции занимается антиконституционной деятельностью — слежкой за инакомыслящими, поставив под надзор более миллиона 300 тысяч граждан.

В США в конгресс внесен законопроект по возрождению пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которая была в свое время создана ярким антикоммунистом сенатором Маккарти и которая стала позором Америки в XX веке.

Причинам этих процессов в капиталистическом мире дал хотя и циничное, но четкое определение западногерманский криминалист Э. Хелльмер. «Общество (капиталистическое. — Т. Е.), — заявил он, — гораздо более устраивает интегрированное, пусть совершающее уголовные действия лицо, нежели бунтовщик. Потому что первый ограничивается использованием средств самого общества и, следо-

вательно, не является для него столь опасным, как инакомыслящий».

Этот классовый принцип буржуазной юстиции, лежащий в основе деятельности и ее охранно-карательного аппарата, объясняет многое. Он исчерпывающе объясняет, например, тот факт, что Патриция Херст, дочь американского миллиардера, короля прессы, которая в составе вооруженной банды с автоматом в руках участвовала в ограблении банка, получила семь лет тюрьмы и по прошествии всего лишь 22 месяцев была помилована президентом США Д. Картером. «Основания» для помилования, сформулированные судьями, как нельзя лучше иллюстрируют лишний раз этот классовый принцип: «Нет совершенно никаких причин считать, что Патриция Херст представляет собой опасность для нашего общества».

Этот же классовый принцип объясняет и опасный социально-политический процесс, происходящий в промышленно развитых капиталистических странах,— диффузию ультраправых сил, преступного, уголовного мира и охранно-карательного аппарата.

«Серые волки» и трагедия полковника Руссо

21—24 декабря 1978 года, пожалуй, самые черные и страшные дни за последние сто лет в истории турецкого города Караман. 21 декабря трое учеников местной школы зверски убили двух своих учителей, известных прогрессивными взглядами. На следующий день десять тысяч жителей города собрались на траурный митинг — почтить память погибших, которых очень уважали в городе. На собравшихся с ревом «Бей коммунистов!» обрушилась трехтысячная лавина фашистов, многие из которых пустили в ход оружие, вплоть до автоматов. Десятки мирных жителей были убиты и ранены при полном бездействии полиции. Власти вынуждены были, наконец, вмешаться и ввести в городе комендантский час. В ответ сотни взбешенных этим ре-

шением фашистов из организации «Серые волки» устроили по всему городу дикую резню, которую можно сравнить разве лишь с гитлеровскими погромами в тридцатых годах в Германии. Целые семьи вырезались прямо в квартирах, девушек и женщин насильовали и тут же убивали, детей расстреливали из автоматов, грудных младенцев обливали бензином и сжигали заживо. Фашисты врывались в больницы, чтобы добить раненых жителей. Бандиты громили здания прогрессивных организаций, профсоюзов.

Генератором этой чудовищной резни является неофашистская «Партия национального движения», чьи главари открыто рекламируют себя как приверженцев и последователей Гитлера. «Серые волки» — это штурмовые отряды турецкого неофашизма, действующего в стране легально, сборища которого охраняются, как и в других капиталистических странах, полицией. Этот факт неофашистских бесчинств еще раз наглядно иллюстрирует процесс сращивания ультрареакционных сил и уголовного мира. Неофашизм делает сегодня ставку на молодежь, стремясь социальной демагогией втянуть ее в свои ряды и тем самым создать себе «массовую базу», обеспечить резерв, гарантировать «приток свежих сил». Эта тенденция является генеральной для неофашистских организаций в США, Англии, Италии, ФРГ, Японии. В ФРГ, например, расплодилось множество молодежных неонацистских групп, вроде «Викинг-югенд», «Союз молодежи Адлер», «Голубые орлы», «Молодежь Стального шлема», «Юные национал-демократы» — вплоть до «Гитлер-югенд». Они втягивают в свои ряды молодых немцев, завлекая их демагогическими лозунгами, подарками, предоставлением оружия и всем фашистским реквизитом — знаменами, значками свастики, фашистскими регалиями, полувоенной формой. В этих молодежных организациях ведется разнузданная пропаганда насилия, которая превращает 16—18-летних парней в головорезов, вроде турецких «серых волков». И уж, конечно, в первую очередь идет жесточайшая антикоммунистическая

«Промывка мозгов» — коммунистов представляют в виде «ярких врагов немецкого народа», которых нужно беспощадно уничтожать. Молодые неонацисты, воспитываемые на человеконенавистнических идеях, превращаются в крайних нигилистов, отрицающих все моральные и нравственные нормы человеческого общежития, — превращаются в чистой воды уголовников.

То же самое происходит в Италии, где мафия и неофашизм все чаще состыковываются в своих преступных действиях: неофашизм становится поставщиком кадров для уголовного мира и, наоборот, ряды неофашистских организаций постоянно пополняются с самого «дна». Более того, в Италии, как, пожалуй, ни в одной другой стране мира, укрепляются и расширяются связи охранно-карательного аппарата с неофашистами и с мафией. Дело доходит до того, что объединенными усилиями продажных чинов полиции и мафии физически уничтожаются те сотрудники полиции, которые понимают опасность этого процесса и пытаются бороться с ним. Классическим примером является судьба одного из них — полковника Руссо.

Когда итальянская мафия приводит в исполнение вынесенные ею приговоры, то их причины, как правило, скрыты за семью печатями для общественности страны. Убийство же полковника Руссо в 1977 году в маленьком сицилийском местечке Карлеоне среди бела дня на улице было совершено по очевидным основаниям: он занимался исследованием афер нового, недавно возникшего ответвления мафии в сфере строительства. Речь шла об одной строительной фирме, которой были предоставлены крупные государственные кредиты. Полковник Руссо сумел выяснить, что эта фирма привлекала к строительству только тех субподрядчиков, которые платили ей за заказы громадные взятки. Такие махинации стали в последние годы нередким явлением. В Калабрии, например, обнаружилось, что президент государственного фонда, предназначенного для строительства, был членом мафии и одновременно членом партии демохри-

стиан: он осуществлял в этом фонде крупные коррупционные сделки.

Полковник Руссо был опытным работником угрозыска и не раз нападал на след мафии, сообщая в руководящие инстанции полиции и политическим властям неопровержимые факты преступной деятельности мафиози. Однако вся его работа шла насмарку — никаких мер против мафии никто не предпринимал. Более того, его активностью были недовольны в полицейских кругах. Судебные инстанции, вынужденные по целому ряду расследовавшихся полковником дел привлечь к ответственности некоторых мафиози, выносили им оправдательные приговоры каждый раз с одной и той же формулировкой: «За отсутствием улик». В конце концов полковник Руссо понял всю безнадежность своей борьбы против мафии, понял бессмысленность и бесперспективность своей активности. Но подать в отставку он не успел: он решил довести до конца последнее дело по строительной организации, и был убит. «Дело полковника Руссо» не имело для мафии никаких последствий, потому что влиятельные силы в охранно-карательном аппарате не были заинтересованы в раскрытии его подоплеки.

Как устанавливаются и осуществляются преступные связи итальянской полиции, прокуратуры и суда с уголовным миром, можно показать на другом, еще более ярком и широком примере.

Несколько лет назад в итальянском еженедельнике «Иль мондо» появилось интервью в связи с нашумевшим в стране «делом де Лелли». Этот убийца-грабитель был приговорен к 20 годам тюрьмы, но вскоре был выпущен на свободу и исчез. Дававший по этому поводу интервью генеральный прокурор римского апелляционного суда Кармело Спаньоло с возмущением говорил о коррупции в полицейском и судебном аппарате, о фальсификации судебных материалов в пользу преступников, о связях деятелей юстиции с мафией. Приведенные им факты вызвали огромное возмущение по всей стране. Вновь всплыло на поверхность имя одного из главнейших гангстеров Лучиано Лиджо. С 1948

года было издано полтора десятка приказов о его аресте, но никто из полицейских не стремился к их выполнению. Между тем на его совести не только многочисленные убийства среди населения, но даже 70 членов мафии, уничтоженных по его приказу в то время, когда он, расправившись с предыдущим главой мафии Наваррой, проводил «чистку» организации. Лиджо сколотил миллиардное состояние на торговле наркотиками. Но сейчас речь не о действиях мафии «под руководством» Лиджо, а о позиции полицейского аппарата. В 1963 году, когда обширнейшая подпольная торговля наркотиками, осуществлявшаяся мафией по всей стране, оказалась в поле зрения общественности, полиция вынуждена была принимать какие-то меры и был издан очередной приказ об аресте главаря. В ответ подручные Лиджо — по его приказу — взорвали полицейский автомобиль, уничтожив при этом семь сотрудников полиции. В дело пришлось включиться уже министерству внутренних дел страны. Во главе оперативных отрядов по поимке Лиджо был поставлен один из квалифицированнейших детективов Анджело Маньяно, который и отправился в Сицилию, где расположена штаб-квартира мафии. Маньяно был особенно заинтересован в аресте Лиджо, но, увы, не потому, что он стремился к разгрому мафии. Позже выяснилось, что сам Маньяно, кроме того, что он занимал пост начальника римского угрозыска, был самым настоящим мафиозо — только принадлежал к другому клану мафии, к группе Франка Коппола, известного под кличкой «трехпалый Франк», яростного соперника Лиджо в борьбе за главенство среди итальянских гангстеров. Маньяно рассматривал свое служебное положение как надежное прикрытие основной деятельности в мафии. Маньяно отлично понимал, какую ценность представляет он для мафии из-за своего служебного поста, и поэтому, не стесняясь и не боясь расплаты, шел даже на шантаж своих сообщников из уголовного мира. Как-то в руки Маньяно попали магнитофонные пленки, на которых были записаны телефонные разговоры самого Коппола, содержав-

шие серьезные улики против главы банды. Маньяно продал их своему «хозяину» за 18 миллионов лир...

14 мая 1964 года Маньяно арестовал-таки Лучиано Лиджо. Начался судебный процесс, окончившийся полной реабилитацией преступника с обычной формулировкой: «За отсутствием доказательств и улик». В 1967 году Лиджо вновь попадает под суд в связи с очередным убийством. Но и на этот раз судебный фарс завершается оправданием главаря мафии. Однако его оставляют за решеткой и с огромным пропагандистским шумом готовят новый судебный процесс. В 1969 году он начинается. На скамье подсудимых, точнее, в огромной железной клетке, охраняемой десятками полицейских, сидят Лиджо и 63 его подручных. Государственный обвинитель предъявляет неопровержимые доказательства: одному лишь Лиджо инкриминируются 9 убийств и 27 покушений на убийства. Прокурор требует для Лиджо и двух ближайших его помощников пожизненного заключения. Во время десятичасового совещания по вынесению приговора из Сицилии приходит в адрес суда анонимное письмо, в котором говорится: «Если джентльмен из Карлеоне (городок в Сицилии, место рождения Лиджо) будет осужден, то вы все взлетите на воздух. Или же мы перережем глотки и вам, и всем вашим родственникам». 10 июня на последнем заседании суда смертельно бледный судья оглашает приговор: все подсудимые оправданы ввиду «отсутствия доказательств». В тот же вечер Лиджо покидает клетку и возвращается на свободу. Но оправдательное решение суда первой инстанции должно еще быть утверждено в высших инстанциях. Поэтому генеральный прокурор Сицилии выносит постановление взять Лиджо под ежедневный полицейский надзор. Но одновременно он отдает приказ установить такой надзор только в городе Карлеоне, куда должен по решению суда вернуться Лиджо. Однако тот и не думает появляться на родине, а катается по всей стране, наконец, прибывает в Рим и ложится в клинику «Вилла Маргерита» на операцию. Поли-

ция не беспокоит гангстера, а лишь позванивает врачам, чтобы узнать о его состоянии. Через несколько дней Лиджо исчезает из больницы. Как потом выяснилось, генеральный прокурор Палермо Пьетро Скальоне был ближайшим другом Лучиано Лиджо и позвонил ему в больницу, посоветовав исчезнуть, потому что он не мог более препятствовать установлению ежедневного полицейского надзора за ним. Больше того, выяснилось, что Скальоне был своим человеком не только в итальянской, но и в американской мафии: крестным отцом его сына стал некий Пьетро Лонго, осуществлявший связи с заокеанскими боссами гангстеров Аль Капоне и Фрэнком Кастелло. На заседании комиссии по борьбе с мафией Скальоне вынужден был признать: «Лиджо был моим старым приятелем...» Скальоне освободили от поста прокурора в Палермо и — нет, его не посадили — приняли решение передвинуть на более высокую должность в Рим. Но на этом «дело» не кончилось. После разоблачений Скальоне потерял всякую ценность для мафии и для Лиджо, в частности, более того, стал опасен, потому что многое знал. Он мог «продать» мафию, чтобы спасти свою шкуру. 5 мая 1971 года Скальоне, по своему обыкновению, начал день с посещения могилы жены на кладбище в предместье Палермо. На обратном пути Пьетро Скальоне был расстрелян прямо на улице.

Однако разоблачение связей прокурора Палермо Скальоне с мафией и его смерть оказались невеликой сенсацией по сравнению с тем, что произошло следом. Весной 1974 года Лучиано Лиджо был вновь арестован и вместе со своими 75 подручными опять предстал перед судом Палермо. Он был приговорен всего лишь к шести годам тюрьмы, а 33 его сообщника оправданы. Туринская газета «Стампа» писала в связи с этим приговором о «полном банкротстве юстиции». Ее слова были подтверждены самым неожиданным образом и в самое короткое время. На этот раз, как рассказывает исследователь сицилийской мафии Петер Пржибыльский, следы повели прямо в Вечный го-

род. Вот тут-то мы и возвращаемся к интервью, которое дал генеральный прокурор римского апелляционного суда Кармело Спаньоло еженедельнику «Иль мондо» и в котором он говорил о широчайшей коррупции в полицейском и судебском аппарате страны. Спаньоло очень хорошо знал предмет, освещавшийся в интервью: занимая пост главного обвинителя высшего апелляционного суда в Риме, он имел и другую, неизвестную общественности должность: он был «падрино» — крестным отцом итальянской мафии. Своей красивой прокурорской мантией он прикрывал громадные преступные дела многих группировок мафии. И не только мантией, но и громогласными выступлениями в печати против мафии, которые создавали ему ореол бесстрашного борца, охранителя закона. В частности, Кармело Спаньоло оказывал неоценимые услуги упоминавшемуся уже «трехпалому Франку». Более того, два государственных столичных мужа — генеральный прокурор Спаньоло и начальник римского угрозыска Маньяно — жестоко соперничали в завоевании влияния и доверия у «трехпалого Франка». Например, Коппола попал как-то в орбиту скандала, связанного с именем крупного дельца Натале Рими, который, происходя из известной семьи мафиози, усилиями своих «друзей» в полиции и государственном аппарате получил серьезную чиновничью должность и в то же самое время руководил крупной подпольной торговлей наркотиками. Коппола требует от Маньяно сделать все возможное, чтобы его имя не было связано с разоблачениями. Но Маньяно, понимая серьезность аферы, зная, что в ней замешаны крупные политики, которые на данном этапе гораздо важнее для Маньяно, чем босс мафии, отказывает Коппола в его требовании-просьбе. В то же время другие сообщники Коппола из сферы юстиции и политики, опасаясь, что в завертевшемся скандале Коппола может продать их, чтобы выйти сухим из воды, готовят ему ссылку на отдаленный остров, где он должен быть на какое-то время изолирован. И тогда «трехпалый Франк» проворачивает две «операции». Во-первых,

он обращается непосредственно к генеральному прокурору, своему другу-приятелю Кармело Спаньоло, который и ликвидирует постановление о ссылке Коппола. Во-вторых, он шлет с курьером своему коллеге по мафии Уго Босси сообщение, гласящее: «Поспеш, ибо парень с бородой (Маньяно. — Т. Е.) создает трудности». И 5 апреля 1974 года, когда Маньяно, выйдя из дома, направляется на работу, его встречают четверо мафиози. Но судьба была на сей раз благосклонна к начальнику столичной уголовной полиции — он чудом остался жив, хотя и тяжело раненный. После выздоровления Маньяно отправляется на свидание с Коппола, зная, что покушение было совершено по его приказу. В костюме он вмонтировал мини-микрофон. На встрече он предлагает «трехпалому Франку» сделку: за отступные, которые выплатят «Франку» известные политики, Коппола — в случае ареста — не назовет их имена.

Через несколько недель, в июне 1974 года, полиция арестовывает главаря мафии. Одновременно с ним попадают за решетку те его подручные, которые стреляли в Маньяно. Коппола прикидывается больным и с помощью друзей из полиции и госаппарата добивается перевода в больницу римской тюрьмы. Там ему устанавливают телефон, который прослушивается. Коппола использует его первые сутки, а потом через своего адвоката бандит узнает о подслушивании. И передал ему эту информацию не кто иной, как генеральный прокурор Кармело Спаньоло.

Все перипетии этого дела, этой борьбы двух высоких государственных чиновников за влияние в мафии и ее руководстве неисповедимыми путями попадают в печать. Взрывается очередной скандал — теперь уже не в связи с преступлениями мафии, а вокруг преступных действий генерального прокурора и шефа угрозыска, вокруг «дела Спаньоло — Маньяно». Казалось бы, «дело» настолько очевидно, настолько безобразно и крупно, что оно должно бы стать почти что «римским уотергейтом». Судьба Спаньоло и Маньяно совершенно не инте-

ресует мафию. Но ее главари опасаются грандиозных разоблачений, потому что и генеральный прокурор, и начальник римского угрозыска посвящены в такие тайны мафии, которые могут при обнаружении вызвать общеитальянский взрыв и нанести мафии непоправимый ущерб. Не имея возможности уничтожить физически Спаньоло и Маньяно, мафия решает во имя своих интересов спасти их от суда и тем самым избежать тягчайших разоблачений. Используя не вскрытые до сих пор связи в высших кругах политиков и государственных деятелей, мафия добивается прекращения расследования — и скандал уходит в песок. Винченцо Гатто, член парламентской комиссии по борьбе с мафией, комментирует эту историю словами, которые имеют принципиальное значение и являются, по сути, беспощадным обвинением всей государственной и политической структуре страны: «В области разоблачений глубинных связей мафии с государственным и политическим аппаратом невозможно сделать абсолютно ничего. И тем более невозможно ликвидировать этот союз»...

Процесс сращивания государственного и политического аппарата капиталистических стран с преступным миром представляет собой одно из наглядных свидетельств общего кризиса и загнивания капиталистической системы.

Бизнес на «горизонтальной профессии»

Салон «Шарм» («Очарование») в Фазаньем переулке в Вене многие годы славился процедурами массажа, чрезвычайно модными сегодня на Западе. В октябре 1978 года, когда усилиями его хозяйки Эдит Бадштюбер-Лукарелли широко рекламировались новые, «потрясающие», «тайландские» методы представлявшихся там процедур, известность «Шарма» перешагнула границы Австрии: неожиданно вскрылось, что этот «салон» не что иное, как замаскированный фешенебельный бордель, где «работали» не только отечественные проститутки, но и доставлявшиеся из далекой Азии молодые тайландки, которые и культивировали изощреннейшие приемы секса. Причем если местные, австрийские «сотрудницы» получали тридцать процентов с каждого клиента (посещение стоило до шести тысяч шиллингов), то азиатские «рабыни любви» вынуждены были довольствоваться коштом — питанием и крышей над головой.

Бадштюбер-Лукарелли оказалась необычайно предприимчивой бизнесменкой: она имела своих агентов, которые в Азии вербовали для нее «работниц» самыми различными средствами — от подписания фиктивных контрактов на работу в Европе до фиктивных браков. Один из ее агентов, некий Антонио Spezi, действовал, например, в Бангкоке от имени мифического «свадебного института», якобы созданного г-жой Бадштюбер для устройства супружеского счастья непосвященных. Поставлявшиеся им в Вену молодые азиатки вместо супружеского счастья обретали позорную и тяжкую судьбу профессиональных проституток.

Проституция приобрела на Западе в последние десятилетия невиданный размах. Наряду с примитивной асоциальной функцией купли-продажи женского тела она превратилась в межгосударственную торговлю «живым товаром»: цивилизованные парламентские демократии, вроде Франции, Ита-

лии, ФРГ, стали центрами современного «белого рабства». В одну лишь Федеративную Республику Германии за несколько лет было ввезено — при содействии так называемого «Багамского агентства» — 18 тысяч молодых женщин, распределенных по тайным притонам. «Даже когда эти женщины осознавали страшное положение, в которое они попали,— пишет дортмундская газета «Вестфелише рундшау»,— они ничего не могли поделать: без средств, без документов, без разрешения на въезд в ФРГ они не решались обратиться в представительства своих стран. Многие из них предпочли крайний выход — самоубийство». Конечно, эти жертвы не включаются в официальную статистику, согласно которой более 14 тысяч человек ежегодно сводят в ФРГ свои счеты с жизнью. Судьба «рабынь любви» — еще одно беспощадное обвинение пресловутой «свободе личности» на Западе.

Широчайшее распространение проституции на Западе вызвало взрыв венерических заболеваний. Только в Соединенных Штатах Америки, по данным правительственной комиссии по здравоохранению, еще несколько лет назад было зарегистрировано 650 тысяч венерических больных. Печать сообщает, что эти данные занижены в несколько раз, что таких больных насчитывается в США более 2 с половиной миллионов. Их количество увеличивается ежегодно на 10 процентов. И самое страшное — это венерически больные дети. Американский психиатр Дж. Дансен-Герберт приводит данные по Нью-Йорку: с 1970 по 1976 год только в одном этом городе число венерически больных детей удесятирилось — с 13 тысяч до 137 тысяч. Причем две тысячи из них — это семи- и восьмилетние. Вообще же детская проституция просто захлестнула в последние годы крупные американские города. Газеты уже не пишут о ней как о феномене — сообщения даются петитом. Обычный, рядовой случай: 12-летняя проститутка Вероника Брансон вечером 25 июля 1977 года выбросилась — или была выброшена — с 19-го этажа гостиницы в Манхэттене, «сла-

вящейся» тем, что она является резиденцией сутенеров.

Дети стали, кроме того, объектом порнографической промышленности. В одном из западных журналов я встретил фотографию, вызвавшую чувство щемящего сострадания и жгучего протеста: красивые каштановые волосы спадают на обнаженные цыплячьи плечики. Оголены, собственно, не только плечи — она вся голая. На ней лишь отдельные атрибуты профессиональной проститутки, ожидающей очередного клиента в постели: белые перчатки, на которые напаяны фальшивые драгоценности, тонкий черный пояс на животе и две черные подвязки на худеньких ногах. Ее зовут Ева, и ей всего 10 лет от роду. Эту «соблазнительную модель» сконструировала и сфотографировала мама этой девочки и продала ее в сексуальные американские журналы для взрослых.

Давно уже известно, что в мире чистогана нет ничего святого, за деньги можно приобрести все — рабочую силу, средства производства, краденые из национальных музеев шедевры мирового искусства, честь депутатов, должность президента, совесть священника. На этой фотографии продается детство и чувство материнства. Впрочем, о какой материнской любви может идти речь, если мать расценивает свою десятилетнюю дочь как порнографический товар? А спрос на него сегодня на Западе колоссальный: только в Соединенных Штатах Америки издается 264 сексуальных журнала, которые жаждут фотографий, рекламирующих сексуальную эксплуатацию детей. В одном из опубликованных обзоров полиции города Лос-Анжелеса философски спокойно констатируется: «На страницах этих журналов изображаются все мыслимые и немыслимые сексуальные извращения, где в качестве объектов употребляются дети». Зачем? Причины объясняет американский юрист Роберт Кендалл: «Чтобы удержать интерес и высокий спрос, порнография должна предлагать все время что-то новое». И вот в последние годы бизнесмены от порнографии, уже в общем-то приевшейся миллионам обы-

вателей Запада, изыскивали «свежий товар» — девочек и мальчиков от семи до четырнадцати лет. Тиражи порнографических журналов сразу же подскочили.

Наряду со скабрёзными журналами новую «золотую жилу» использования детей в сексе начала разрабатывать и спохватившаяся кинематография. Многие, в частности, датские и итальянские продюсеры стремятся перещегоолять друг друга в фабрикации фильмов, в которых «секс-бомбами» стали дети-малолетки. С явно садистскими извращениями фантазии режиссеры изобретают самые невероятные мизансцены и кадры сексуального использования детей младшего школьного возраста. Многие родители, зараженные лихорадкой быстрой и легкой наживы, продают тела и души своих сыновей и дочерей для разнузданных порнофильмов. Капиталист, выведенный М. Горьким в памфлете «Город Желтого Дьявола» и ходивший в цирк только для того, чтобы поглубже заглядывать в декольте женщин, сидевших на ряд ниже,— просто сексуальный ягненок по сравнению с нынешними пропагандистами секса на Западе.

А что же с судьбами самих детей? Очевидно, вопрос этот — риторический. Какое дело поставщикам духовной продукции развращения до трагедии детей, у которых отнято первейшее, так сказать, биологическое право на детство? Желтый Дьявол требует жертв. И дело не только в погоне за барышами: порнография давно уже стала одной из козырных карт в большой социальной политике — порнография считается эффективнейшим духовным наркотиком в массовой деполитизации населения, в отвлечении миллионов рядовых людей от жгучих социально-экономических и политических проблем, от борьбы против засилья монополий, владеющих не только средствами материального производства, но и подавляющим большинством средств массовой информации, точнее — дезинформации людей.

Но вернемся к основной теме этого раздела — к «горизонтальной профессии». Апологеты капи-

талистического образа жизни ссылаются на то, что проституция извечна, что недаром ее называют «первой древнейшей профессией», что вот-де еще одна из дочерей фараона Хеопса, продавая свои интимные прелести, внесла деньги на строительство знаменитой египетской пирамиды, что, мол, истоком проституции являются «извечные» отношения полов, что дело, следовательно, в чисто биофизиологических, а не в каких-то там социальных причинах. Они умалчивают лишь об одном — о том, что проституция появилась на земле не с Адамом и Евой, а с возникновением частной собственности, с накоплением богатств в руках одних и обнищанием других, то есть с социальным расслоением общества.

В капитализме, особенно в его последней стадии, все социальные контрасты и язвы обострены и обнажены до предела. И проституция в капиталистическом мире — это не только «профессия»: она превратилась в постоянный социальный институт, наряду с церковью, армией, полицией. Более того, она стала очень существенной частью буржуазной экономики и финансовой системы. В автомобильной «столице» Италии, Турине, наряду со всемирно известными заводами концерна ФИАТ действует подпольный концерн, включающий пять тысяч сутенеров, на каждого из которых «работают» десятки проституток. Общий же годовой оборот на подпольной торговле любовью в Италии, где, по сообщениям печати, проституцией вынуждены заниматься более миллиона женщин, составляет 500 миллиардов лир — второе место после гигантского автомобильного концерна. Вряд ли можно объяснить такой финансовый парадокс биофизиологическими особенностями итальянцев. По Федеративной Республике Германии данные о проституции не менее разительны. Западногерманская газета «Цайт» писала: «Только в одном Гамбурге «работают» шесть тысяч проституток (зарегистрированных. — Т. Е.), каждая из которых «обслуживает» своим телом ежедневно от пяти до десяти мужчин. Средняя стоимость одного «сеанса любви» —

тридцать марок. В день оборот на этом составляет как минимум один миллион марок». То есть более 350 миллионов марок в год. И это в одном Гамбурге. Подобные же цифры дают Франкфурт-на Майне и другие крупнейшие города ФРГ. В целом по стране проституция опережает по обороту многие западногерманские промышленные концерны, в частности концерн МББ («Мессершмитт-Бельков-Блом»), специализирующийся на выпуске военных самолетов и ракет.

Бизнес на проституции нельзя даже назвать подпольным: он обретает одну из обычных в капиталистической экономике организационных форм — «гмбх», то есть акционерное общество с ограниченной ответственностью. Его основной капитал создается из паев компаньонов и для функционирования общества в ФРГ должен составлять минимум 20 тысяч марок. Паи могут быть проданы, куплены и наследованы. Они могут быть скуплены одним из владельцев, который обретает в этом случае единовластие в акционерном обществе «гмбх». Само понятие «общество с ограниченной ответственностью» означает, что его владелец или владельцы не несут личной ответственности за долги фирмы всей своей собственностью: они отвечают за них лишь своим вкладом. Один конкретный пример. Несколько лет назад мюнхенский иллюстрированный журнал «Квик» опубликовал рекламное объявление, призывавшее бундесбюргеров вкладывать свои капиталы в «дома радости», обещая «невероятно высокие прибыли». Объявление было инспирировано пронырливым дельцом по имени Курт Кольс, который основал «фирму» под названием «Аннабелла лигеншафтен гмбх унд К°». Будущим вкладчикам он пообещал прибыли большие, чем получают акционеры концерна Круппа. Призыв «Квика» нашел быстрый и широкий отклик: в течение шести недель многие деловые люди, адвокаты, чиновники, полицейские, добропорядочные дамы света вложили в это «предприятие» около десяти миллионов западногерманских марок. За короткое время Курт Кольс превратил свою «фирму» в круп-

нейшую западноевропейскую «эротическую организацию» с общим капиталом в 30 миллионов марок. Все развивалось по классическим законам капиталистической конкуренции: владельцы мелких подпольных притонов прогорали в одну ночь, становясь банкротами. «Игра рыночных сил» и здесь превратилась в засилье монополий.

Таким образом, в капиталистическом мире, где, по замечанию К. Маркса и Ф. Энгельса, не остается никаких иных связей между людьми, кроме голого чистогана, даже такое уродливое и асоциальное явление, как проституция, легализуется и освящается экономическими законами. Нажива на купле-продаже женского тела является частью капиталистической эксплуатации человека человеком.

Теперь попробуем ответить на вопрос: а куда же смотрят власти и полиция? Можно было бы ответить банально: они смотрят сквозь пальцы, как и на любую деятельность монополий. Но это было бы не совсем точно, ибо не единичны случаи, когда представители политических институтов и полиции греют руки на «невероятно прибыльном бизнесе», каким являются «казармы любви». Конкретно это можно проиллюстрировать на событиях, скажем, во Франции.

...Расположенный на скрещении автострады Женева — Лион ночной клуб «Фетиш» пользовался широкой популярностью в определенных кругах. Однажды вечером в его баре завязалась свалка и хлопнул пистолетный выстрел. Погиб двадцатипятилетний сутенер мелкого пошиба Робер Гелен. И хотя в этой истории сводили между собой счета уголовные типы, началось следствие, результаты которого никто в то время не мог предугадать. В дело вынужден был вмешаться комиссар лионской полиции Шарль-Густав Жавийе, пользовавшийся широкой популярностью, как гроза лионских бандитов. Он, как никто другой в полицейских кругах, был осведомлен о жизни уголовного мира. Однако свидетели убийства Гелена, в частности хозяйка клуба, мадам и месье Дукло, в один голос утверждали, что выстрел произошел случайно, что

Гелен застрелил себя сам из-за небрежного обращения с оружием. Эту версию поддержал и расследовавший дело другой представитель полиции Жорж Мейер. В результате история завершилась благополучно для тех, кто участвовал в драке,— за исключением, разумеется, Гелена, поплатившегося жизнью. Прошло несколько лет. И вдруг в Париже вышла книга под названием «Погрязшие в коррупции», автором которой был журналист Жан Монтальдо. В ней раскрывались такие дела лионской полиции, которые вызвали потрясение всей Франции: оказывается, «гроза бандитов» Шарль Жавийе, один из популярных крупных чинов французской полиции, был напрямую замешан не только в убийстве Гелена. Выяснилось, что клуб «Фетиш» существовал не под надзором лионской полиции, а под особым покровительством ее комиссара Жавийе. Несколько лет подряд комиссар находился на содержании у мадам и месье Дукло — хозяев этого клуба, который был не просто ночной «забегаловкой», а крупным тайным притоном. За свое покровительство Жавийе пользовался гостеприимством Дукло, проводя на их вилле в Котэ д' Азур свои ежегодные отпуска, и получал от них не одну тысячу франков наличными, причем регулярно. Жавийе попытался оправдаться очень примитивно: мол, эта «дружба» с владельцами притона была ему необходима для того, чтобы вращаться в уголовном мире и вылавливать в нем «крупную дичь». Скандал тянулся больше года, пока не появились новые детали — были арестованы несколько сутенеров и владельцев гостиниц, представлявших собой обычные дома терпимости. В числе попавшихся с поличным оказался тот самый Жорж Мейер, который вместе с Жавийе расследовал убийство Гелена. Этот полицейский был хорошо известен в уголовном мире под кличкой «Жорж-враль». Он дружил с братьями Губертом и Аугустином Сорба, имевшими прямое отношение к убийству Гелена. Вместе с ними он был совладельцем подпольного борделя. И если бы Мейер выдал своих компаньонов как убийц, ему, конечно, не сносить бы голо-

вы. Мейер и Жавийе — каждый по своим причинам — были заинтересованы в «бесшумном» окончании дела об убийстве в клубе «Фетиш». Жорж Мейер по приказу Жавийе уничтожил улики, связанные с убийством, и, в частности, изъял пистолет, из которого была послана пуля в Гелена. К моменту ареста Мейера комиссар Жавийе, уже попавший в переплет из-за выхода книги «Погрязшие в коррупции», ушел в отставку и стал владельцем фабрики по производству котлов, куда он и вложил накопленный на связях с уголовным миром капитал. Вечер его жизни был бы безоблачным и обеспеченным, если бы Мейер случайно не попался в упомянутой группе сутенеров. Поняв, что Жавийе не собирается его спасать, он отомстил ему, выложив все, что знал о его грязных делах. Скандал не только выплыл наружу, но и раскрутился так, что не было никакой возможности его затушить. В результате властям пришлось отправить за решетку «легендарную грозу бандитов» — бывшего комиссара полиции Шарля-Густава Жавийе. Другой комиссар лионской полиции, Тонно, начальник бригады по наблюдению за нравственностью, отделался легким испугом — он был снят с должности. Однако, к удивлению французов, дело о коррупции в лионской полиции, начавшись однажды с гибели сутенера, на этом не закончилось. Более того, апогей его был впереди.

Братья Сорба, которых Жорж Мейер, спасавший собственную шкуру, уберег от тюрьмы, были на некоторое время высланы из Лиона. Но вскоре они вновь объявились в городе и даже получили разрешение от городских властей и полиции открыть на одной из улиц ночную пивнушку. Наученные горьким опытом, они вели себя тихо-спокойно и уже не устраивали побоищ и стрельбы. Пивнушка процветала, принося довольно солидный доход. Все дело испортил случай: какому-то судейскому чиновнику попали в руки фотографии, на которых среди отплясывавших в костюмах Евы проституток, в окружении сутенеров, он обнаружил знакомое лицо, носившее среди уголовников кличку «Дуду».

Крупное импозантное лицо с мощным квадратным подбородком, излучавшее приятнейшую улыбку. Неизвестно, по каким причинам чиновник решил уничтожить «Дуду», но, во всяком случае, эти фотографии попали в печать и вызвали грандиозный шум. «Дуду» оказался не кем иным, как депутатом Национального собрания Франции Эдуардом Шарре. Именно он помог — разумеется, за крупную мзду — братьям Сорба получить разрешение на открытие ночного заведения. Это было для него не так сложно, ибо он занимал пост эксперта по бюджету полиции в министерстве внутренних дел. Шарре был в давней дружбе с комиссаром Жавийе и в свое время способствовал — опять-таки не бесплатно — его продвижению по службе. Он же послал в соответствующие государственные инстанции представление для награждения орденом «Ордр дю мерит» профессионального преступника Коломбани: ведь как-никак этот тип владел на паях с Шарре гостиницей под названием «Бэби-отель», которая была чрезвычайно доходным фешенебельным тайным притоном. Они имели в «деле» и третьего компаньона — бывшего служащего полиции Пинелли, который поддерживал необходимые для процветания притона контакты с лионской полицией и лично с полицейским инспектором Жаном Симмонином. А потом выяснилось, что этот инспектор являлся четвертым совладельцем «дома радости», имея четвертую долю капитала. Поэтому все и было до поры до времени шито-крыто. «дело» шло и процветало, перспективы радовали, если бы не проклятая страсть «Дуду» — Шарре к фотопозированию.

Несмотря на летнее каникулярное время, скандал разросся широко. Сатирический еженедельник «Канар аншенэ» с горечью и злостью прокомментировал эту историю: «Похоже, что мы живем в республике сутенеров»...

Упомянутые события во Франции представляют собой, так сказать, морально-экономическую часть ответа на вопрос: «Куда же смотрят власти и полиция?» Конечно, когда полицейские в странах Запа-

да вместо выполнения своего служебного долга по борьбе с преступностью используют служебное положение и, культивируя прямые связи с уголовным миром, наживаются даже на таком постыдном явлении, как проституция, нужно ли приводить дополнительные доказательства морального разложения охранно-карательного аппарата капиталистического мира? Но это еще далеко не все: оказывается, «горизонтальная профессия» заняла особое место и в сферах политики.

Англичане, донельзя шокированные несколько лет назад скандалом, связанным с бывшим министром обороны Великобритании Джоном Профьюмо, который вынужден был оставить свой высокий пост из-за раскрывшейся связи с длинноногой «леди легкого поведения», узнали в 1978 году еще одну любопытную деталь: в этой истории был замешан и «погорел» именно на ней и бывший руководитель «Интеллидженс сервис», третьей по масштабам и размаху разведывательной службы в системе НАТО, сэр Роджер Холлс. Наряду с этим известием тогда же, в конце 1978 года, англичане были поражены событиями, разыгравшимися вокруг парламента страны. Очевидно, познав на истории с Килер, «свалившей» с поста военного министра, свою силу, представительницы «горизонтальной профессии» в Англии решили выступить сплоченно с требованием к законодательной власти. Несмотря на то что законы Великобритании не запрещают официально проституцию, «уличные дамы» все же чувствуют себя ущемленными, потому что имеется закон, запрещающий им вербовать клиентов в открытую, скажем, через печать и снимать для «аморальных встреч» квартиры. Закон запрещает также проживать двум проституткам в одном жилом помещении, которое по этому признаку может быть отнесено к разряду борделей. Так вот, английские проститутки собрались в конце 1978 года на конгресс в Лондоне и потребовали от парламента легализовать их «деятельность», приравняв ее к любой другой обычной профессии. Парламент Великобритании решительно отклонил законопроект по

данному вопросу, заявив в специальной резолюции, что его принятие означало бы «национализацию», то бишь введение государственного контроля над «тайными притонами». И тогда конгресс «трупных курочек» ударил по Вестминстеру из орудия главного калибра: было объявлено, что проститутки обнародуют имена парламентариев, состоящих с ними в сексуальной связи. Такого замешательства английских законодателей еще не знали стены древнего Вестминстера. Поистине это был шок, из которого парламент не мог выйти до марта 1979 года. 6 марта английские проститутки «сняли блокаду» Вестминстера и взяли свою угрозу обратно, потому что палата общин 130 голосами против 50 в первом чтении утвердила законопроект о смягчении законодательных «строгостей» против проституции. Как говорится, комментарии излишни...

Не менее любопытные с политической точки зрения события разыгрывались в это же самое время за океаном — в Соединенных Штатах Америки. Пронирливые репортеры обнаружили, что Центральное разведывательное управление (ЦРУ), известное всему миру грязнейшими и кровавыми аферами на всех континентах, не гнушается использованием для своих целей и профессиональных проституток. Журналисты случайно наткнулись в Сан-Франциско на организованный ЦРУ бордель. Его номера оборудованы новейшей аппаратурой для подслушивания и подсматривания, скрытой в стенах, в осветительных приборах и даже в кроватях. Некоторые стены люксов заменены зеркалами, которые прозрачны только с одной, внешней стороны. В этот роскошный бордель заманиваются и американские, и иностранные политические, государственные, военные, экономические и культурные деятели — все те, кто обладает необходимой ЦРУ информацией в различных сферах. Там их спаивают, пичкают наркотиками — предоставляя, разумеется, «отборных проституток» — и выжимают из них нужные данные. Для особо эффективного шантажа через стены-зеркала делаются

фото- и киносъемки развлечений ничего не подозревающих клиентов. Заметим, что этот разведбордель — не оригинальное изобретение американского Центрального разведывательного управления: он представляет собой сколок с известного «салона Китти», который был организован фашистской службой безопасности в 1939 году в Берлине.

Соединенные Штаты Америки, считая себя лидером капиталистического мира, поставили и в политико-проституционной сфере своеобразный рекорд, о котором в начале 1979 года сообщили многие американские газеты. На громадном балу 15 тысяч представительниц «горизонтальной профессии», проходившем в Сан-Франциско, выступила владелица одного из крупнейших «домов радости» в США Марго Жаме и заявила: «Настала пора, чтобы Белый дом возглавила женщина-босс!» Под гром аплодисментов Марго Жаме была выдвинута кандидатом в президенты Соединенных Штатов Америки на выборах 1980 года, открыв раньше всех других претендентов предвыборный «поход на Вашингтон».

Вместо резюме всех событий и фактов, о которых рассказывается в этой главе, я приведу анекдот, опубликованный одной западноевропейской газетой. Политик, который носил имя «Лим», что в переводе означает «Неподкупный», решил однажды поразвлечься в «доме радости». Там ему предложили девицу по имени «Трин», что в переводе означает «Девственница». Позабавившись с ней, он саркастически скаламбурил: «Вот это чудеса: девственница в таком месте!» И услышал в ответ: «Милостивый государь! Мы в нашем заведении столь же девственны, как вы на государственной службе неподкупны...»

В этой книге читатель познакомился лишь с отдельными явлениями коррупции в капиталистическом обществе — в кругах монополистического капитала, политико-государственном аппарате, юстиции, охранно-карательной системе. Но и они свидетельствуют: коррупция — неотъемлемый атрибут общества, построенного на принципах частной собственности. Продажность политических и государственных деятелей, заправил экономики, высших военных чинов, судей, прокуроров, чиновников, полицейских — это часть общего распада буржуазной морали, распада, обуславливающего полное обесценение человеческой личности, девальвацию человеческих взаимоотношений. Гениальный Альберт Эйнштейн заметил однажды: «Опустошение личности человека я рассматриваю, как самое страшное зло капитализма».

Главной причиной коррупции и общего распада морали капиталистического общества являются господствующие там законы Желтого Дьявола. Западногерманский специалист по уголовному праву доктор Мерген так определяет социальный климат буржуазной системы: «Материальные ценности приобрели такую подавляющую человека силу, что методы и средства их приобретения уже невозможно подвести под какие-либо моральные, этические или правовые категории». Погоня за богатством — для подавляющего большинства недостижимым, как мираж, — растлевет все общество, развращает и калечит души людей. Она, эта погоня, определяет полную бездуховность и антигуманность капиталистического строя. Даже один из крупных апологетов капитализма, консервативный американский философ Д. Дьюи вынужден был признать: «Ощущение неразрешимых проблем нависло над нами. Это проблемы преступности, закона, труда, безработицы, безопасности, семейной жизни, войны и мира, международных отношений — и все они поставлены в таком объеме, какого не

знала история». Д. Дьюи с горечью писал и о причинах «неразрешимости» проблем капиталистического общества, он утверждал, что в Америке, как и в любой другой капиталистической стране, «отсутствует широкий и вдохновляющий социальный идеал». Блеск Желтого Дьявола затмевает все остальные краски жизни. Поэтому нельзя не согласиться с газетой «Вашингтон пост», которая недавно констатировала: «Наше общество запрограммировано на кризисы». Причем речь идет не только об экономических кризисах, но и о кризисах в широком смысле слова. Это признание полной бесперспективности капитализма. И коррупция — лишь один из показателей ее.

Говоря о капитализме как обществе без будущего, тов. Л. И. Брежнев отметил: «Скандальные разоблачения темных политических махинаций, продажности, злоупотреблений властью, грубых нарушений закона со стороны наиболее высокопоставленных деятелей взрываются, как бомбы, то в одной, то в другой стране, демонстрируя разложение правящего класса».

СОДЕРЖАНИЕ

- 3** Сколько стоит на «черном
рынке» премьер-министр,
сенатор, генерал?
- 58** Стражи порядка на стра-
же... преступности
- 95** Бизнес на «горизонтальной
профессии»
- 108** Реплика под занавес

Том Федорович Емельянов
МЕТАСТАЗЫ КОРРУПЦИИ

Редактор Ф. Л. Цыпкина
Художник В. Н. Конюхов
Художественный редактор А. А. Орехов
Технический редактор Р. Д. Каликштейн
Корректор З. И. Шехмейстер

ИБ № 2283

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Тула-У». Сдано в набор 15.02.80. Подп. в печать 30.04.80. А02915. Формат 84×100^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. п. л. 5,46. Уч.-изд. л. 5,19. Тираж 100 000 экз. Заказ 1101. Цена 15 к. Изд. инд. ХД-304.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, пр. Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия»

О ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ

Емельянов Том Федорович — публицист-международник.

Родился в 1926 году. Окончил Московский государственный институт международных отношений в 1949-м.

Выступает в центральной советской печати и в советских изданиях, выпускающихся за рубежами нашей страны. Несколько лет работал как журналист за границей. Статьи и книги его всегда проблемны, актуальны, насыщены острым, убедительным фактическим материалом.

Член Союза журналистов СССР.